

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT
№ 2

Scientific quarterly

Moscow 2025

ISSN 2542-2030

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№ 2

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2025

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. наук, проф., *Е.В. Барышева*, д-р ист. наук, доц.

Л.Н. Вдовиченко, д-р социол. наук, проф.

Гудрун Ершов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

Г.Г. Ершова, д-р ист. наук, проф., *В.И. Заботкина*, д-р филол. наук, проф.

Г.И. Зверева, д-р ист. наук, проф., *В.А. Колотаев*, д-р филол. наук, доц.

Н.Л. Лепе, канд. физ.-мат. наук, доц., *С.Ю. Неклюдов*, д-р филол. наук, проф.

О.В. Павленко, д-р ист. наук, проф., *Н.В. Ростиславлева*, д-р ист. наук, проф.

И.С. Смирнов, канд. филол. наук, *А.А. Столяров*, канд. ист. наук, доц.

П.П. Шкаренков, д-р ист. наук, проф.

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, гл. ред., д-р ист. наук, доц.

И.П. Азерникова, канд. ист. наук, доц.

П.А. Алипов, канд. ист. наук, доц.

Ю.Г. Бит-Юнан, д-р филол. наук, доц.

Н.А. Комочев, канд. ист. наук, доц.

Е.А. Косован, канд. ист. наук, доц.

И.С. Курилович, канд. филос. наук, ст. науч. сотр.

Н.В. Петров, канд. филол. наук, доц.

Н.А. Филин, д-р ист. наук, доц.

Ответственный за выпуск

Э.С. Сокрутницкий, аспирант ФАД ИАИ РГГУ

Содержание

Социальная история советского общества

Бялкина В.В.

Антиреклама в СМИ как источник популяризации советского андеграунда на примере хиппи в СССР в 1960–1990-х гг. XX в. 9

Щеглов А.С.

Организация подпольных (цеховых) производств на территории СССР в 1985–1987 гг. 15

Культура диаспор

Акулина Е.Д.

Любительский польский театр в Москве в начале XX в. 22

Хандожко Е.И.

Концептуализация идеи «пробуждения казачества» на страницах журнала «Вольное казачество» 30

Военная история

Картавых Т.В.

Влияние опыта польской кампании вермахта на советскую военную стратегию на примере работы Г.С. Иссерсона «Новые формы борьбы» 39

Издательский портфель

Николаева А.П.

Восприятие кубинской революции 1933 г. в репрезентациях североамериканцев 46

<i>Осипенко А.А.</i>	
Анарх и Единственный: сравнение философских типов Э. Юнгера и М. Штирнера	57
<i>Крайлюк И.Р.</i>	
Реализация крупных инфраструктурных проектов в области железнодорожного транспорта на основе государственно-частного партнерства в Российской Федерации	71
Abstracts	80
Сведения об авторах	85

Contents

Social history of Soviet society

Byalkina V.V.

Anti-advertising in mass media as a source of popularisation
of the Soviet underground on the example of hippies
in the USSR in 60–90s of the 20th century 9

Shcheglov A.S.

Organisation of underground (shop) industries
in the USSR in 1985–1987 15

Diaspora culture

Akulina E.D.

Amateur Polish Theatre in Moscow
in the Beginning of the 20th century 22

Khandozhko E.I.

Conceptualisation of the idea of ‘awakening of the cossacks’
on the pages of the journal ‘Volnoe kazachestvo’ 30

Military history

Kartavykh T.V.

Influence of the experience of the Polish campaign
of the wehrmacht on the soviet military strategy
on the example of G.S. Isserson’s work ‘New Forms of Struggle’ 39

Publishing portfolio

Nikolaeva A.P.

Perception of the Cuban revolution of 1933
in the representations of North Americans 46

<i>Osipenko A.A.</i>	
The anarch and the unique: A comparison of the philosophical types of E. Jünger and M. Stirner	57
<i>Krailyuk I.R.</i>	
Realisation of large infrastructure projects in the field of railway transport on the basis of public-private partnership in the Russian Federation	71
Abstracts	80
Data about the authors	85

Социальная история советского общества

УДК
ББК

В.В. Бялкина

Антиреклама в СМИ как источник популяризации советского андеграунда на примере хиппи в СССР в 1960–1990-х гг. XX в.

В статье освещается тема моральных паник и влияния СМИ на общественное мнение на примере движения хиппи в СССР. Раскрываются важные аспекты в истории андеграунда, а также то, как СМИ могут использоваться в качестве рекламы и способа распространения идей среди населения. Как высмеивание и очернение образа может сыграть на руку антисоциальному движению. Указанные тезисы раскрываются на примере движения хиппи, чей образ намеренно искажался советскими СМИ, что во многом привело к обратному результату романтизации движения.

Ключевые слова: хиппи, хиппизм, СССР, моральная паника, молодежные субкультуры, СМИ

Как известно, средства массовой информации (далее – СМИ) с момента их появления являются эффективным инструментом влияния на общественное сознание. Антрополог Д.В. Громов связывал формирование «моральных паник» и СМИ, утверждая, что именно телевидение, статьи и даже художественные произведения влияют на общественное сознание [Громов 2021]. Моральная паника выделяет в обществе определенную группу людей, объединенных общей идеей или внешней особенностью, и объединяется против них. Иначе говоря, из них делают «народных дьяволов» [Коэн 2022]. В этом процессе СМИ играют первостепенную роль.

Почему в данной статье в качестве примера рассматривается движение хиппи? Во-первых, это была одна из первых субкультур, проникших в советское общество. А во-вторых, заслуживает внимания позиция данной субкультуры в обществе. В отличие от более деструк-

тивных и опасных субкультур (панки, любера, гопники) хиппи были вполне мирными, однако все равно воспринимались обществом и государством резко отрицательно. И в отличие от своих американских коллег советские хиппи были продуктами той системы, в которой они росли.

Вызывает определенный интерес и вопрос проникновения культуры хиппи на территорию СССР, на который как раз и могут ответить особенности функционирования СМИ и моральных паник. Зарождение движения хиппи пришлось прямо на самый конец «хрущевской оттепели», что и подготовило плодотворную почву для дальнейшего развития субкультуры. В СССР наблюдается все возрастающий интерес к зарубежной культуре, чему в немалой степени способствовал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 1957 г. в Москве. На фоне такого культурного обмена [Фюрст 2023, с. 16–17] начинает формироваться возможность критического осмысления образа жизни советского гражданина.

В 1968 г. в журнале «Вокруг Света» выходит статья Генриха Боровика «Хождение в страну “Хипплиндию”» [Боровик 1968]. Ее публикация произвела настоящий фурор как среди взрослого поколения, так и среди молодежи. Несмотря на то что в своей работе автор предвзято подошел к образу хиппи, его стиль и подача материала сыграли важную роль, и возможно, неожиданную для самого Боровика роль. Произведение имело публицистический характер, отчего читалось легко и было понятно для любого. Как талантливый публицист автор рассматривает движение хиппи со всех сторон. Радуюсь тому, что американские подростки отвергают буржуазные идеи и ценности, Боровик все же показывает их как диких и бездуховных, поскольку новых культурных ценностей они не создали. Статья безусловно носила пропагандистский характер. Взгляд автора на образ жизни американских хиппи транслируется через персонажа по имени Конрой, с которым он ищет сбежавшего в «Страну Хипплиндию» сына. Поиски ожидаемо заканчиваются неудачей, а пропавший сын Конроя должен был навести читателя на размышления о том, насколько правилен образ жизни хиппи.

Статья, по замыслу как автора, так и редакции, должна была оказать негативный эффект на массы. Однако вопреки ожиданиям, произведение возымело совершенно иной результат: советская молодежь увидела для себя яркий образ и стиль жизни хиппи и возможность собственной самоидентификации в довольно унифицированной и зарегламентированной государством советской культурной среде [Фюрст 2023, с. 25].

Многое было упущено из описания жизни американских хиппи, и в результате в Советском Союзе сформировалась собственная оригинальная хиппи-культура. Ошибки и неточность информации были

первым фактором, который повлиял на отличия советских и американских хиппи. Как уже было сказано выше, хиппи в СССР являлась частью советской системы. И если в США хиппи были достаточно активными в плане отстаивания собственной общественной позиции, выражавшейся в свободе для всех, то в Советском Союзе для данной субкультуры было характерно дистанцирование от политики. Тем самым это создавало особенный образ советской неформальной молодежи, «отказывающейся от скучных разговоров о политике» [Юрчак 2020, с. 294–295].

На образ хиппи также сильно повлияла и начавшаяся в середине 1980-х гг. перестройка. Это был второй фактор, благодаря которому хиппи сформировались именно в том виде, в котором мы их знаем. В условиях советского социализма из-за строгой цензуры и «железного занавеса» даже появилось такое понятие, как «воображаемый Запад» [Фюрст 2023, с. 49]. Появление в советском информационном пространстве любой статьи, книги или фильма «про Запад» неминуемо вызывало бурную реакцию, как положительную, так и отрицательную. И чем более эмоциональной была реакция, тем больше внимания молодежь обращала на так называемый воображаемый Запад, который всегда привлекал советских граждан, и особенно молодежную аудиторию. Именно хиппи старались сделать Запад «неотъемлемой частью сложной структуры позднего советского социализма» [Фюрст 2023, с. 51], они и сделали первый шаг в сторону Запада. Они были первыми, кто говорил, что что-то там за границей существует. Их услышали, поскольку общество уже было готово признать существование других культур, в том числе и западных. В это время западная рок-музыка уже вошла в дома обычных обывателей. Стал набирать популярность Ленинградский рок-клуб. И, таким образом, когда СМИ затрагивало хиппи, писало о них в негативном ключе, они лишь еще сильнее предавали огласке новые тенденции, идущие с хиппи рука об руку.

Возвращаясь к произведению Боровика, можно проследить в нем определенную тенденцию. Автор показывает, что в основе своей хиппи идут люди интеллигентные и образованные. Все герои произведения были из благополучных и обеспеченных семей, чьими основными идеями было отречение от капиталистических ценностей и обращение к природе. В этом плане советские и американские хиппи схожи. В Советском Союзе первыми хиппи стали также образованные люди, вышедшие из интеллигенции [Фюрст 2023, с. 41]. Однако в отличие от своих западных коллег советские хиппи вышли из интеллигенции не с целью отвергнуть идеи капиталистического мира. Ведь будучи уроженцами социалистического строя и частью его механизма, они хотели, наоборот, свободы от вечной повестки, политики и навязанных идей предыдущего поколения.

Еще одним важным фактором можно считать то, что все молодежные субкультуры создавались послевоенным поколением. Особенно тому поколению, которое прожило свою юность в период постоянных потрясений и стресса. Это сильно закалило людей, выросших в военное и послевоенное время. Они старались обучить своих детей и дать им самое лучшее в рамках своих установок. Однако естественный конфликт «отцов» и «детей», наложившийся на период оттепели, сформировал у молодого поколения 1960–1970-х гг. стремление к свободе мысли, к личной свободе, которые были так ограничены идеологическими установками государства.

Хиппи стали феноменом и заняли уникальную нишу в советской истории. Данное движение заняло очень специфическое место в социалистическом мире и во многом оказало влияние на дальнейшее развитие как советского общества в целом, так и молодежных субкультур в частности.

Советские хиппи не старались активно противостоять системе, как, к примеру, диверсанты или диссиденты [Фюрст 2023, с. 19]. Со всем наоборот. Они игнорировала ту систему, внутри которой жили (или по крайней мере старательно делали вид). И такого эффекта никогда не случилось бы, если не влияние СМИ. Именно узкий ракурс обзора на образ жизни американских «детей цветов» сформировал индивидуальный стиль советской субкультуры под названием «хиппи». Также яркой особенностью первых советских хиппи стало то, что они не употребляли наркотики в отличие от своих американских коллег [Громов 2021, с. 167].

Ответная реакция общества на появление хиппи не заставила себя долго ждать. Общество стало демонизировать образ хиппи. И СМИ лишь активно подпитывали данные страхи и опасения. Так, в 1987 г. всем известный и почитаемый киножурнал «Ералаш» снял высмеивающий субкультуры эпизод, в котором участвовали в том числе и хиппи. Как известно, высмеивание – один из самых ярких способов подсветить волнующую людей проблему [Мельниченко 2014, с. 24–77]. Значит, что существование и развитие субкультур волновало простых советских граждан. И помимо демонизации образа хиппи, им стали придавать клишированные черты, что не могло не вызвать очередной рост популярности этой субкультуры.

И чем больше СМИ пыталось бороться с хиппи, тем сильнее росла их популярность. Кроме того, СМИ прививало новые черты, не присущие советским хиппи изначально. Как прежде упоминалось в работе, советские хиппи на протяжении достаточно продолжительного времени не употребляли массово наркотики в отличие от своих американских коллег. Так было до 1986 г. Тогда в телепередаче «Взгляд» вышел специальный материал, направленный против хиппи. На фоне перестроечного роста неформальности среди молодежи

и при помощи подпитки от СМИ в Ленинграде значительно увеличилось количество хиппи и теперь их отличительной чертой стало употребление запрещенных веществ [Громов 2021, с. 167]. Вокруг хиппи появилось очередное клише, которое удерживается за ними до сих пор. Этот пример в очередной раз наглядно демонстрирует, как СМИ лишь популяризировали образ хиппи среди молодежи. Так было и с другими субкультурами, как, например: панки, металлисты, скинхеды и др.

Удивительным образом всего за несколько лет хиппи смогли не только обзавестись кучей клише, но и стать настоящим мейнстримом в научных кругах. Не так много исследований рассматривает движение хиппи, а многие источники, к сожалению, уже никогда не будут нам доступны, ведь хиппи постепенно исчезают, а вместе с ними уходят их воспоминания. Хиппи появились на закате существования движения стиляг, а им на смену пришли более яркие панки, металлисты и другие. Но хиппи внесли существенный вклад в изменение советского общества. Существовая вопреки осуждению со стороны СМИ, они способствовали нормализации образа Запада во времена позднего социализма.

Моральные паники и СМИ для некоторых субкультур стали настоящим рычагом влияния и популяризации каких-либо идей. Хиппи оказались одной из первых субкультур, подверженной неосознанной рекламе со стороны средств массовой информации. Сквозь «железный занавес» в разные периоды времени проникала лишь часть информации об образе американских хиппи и усваивалась советской молодежью крайне специфически, создавая оригинальный образ субкультуры на территории СССР. Однако с ростом интереса к данной субкультуре со стороны как обычного народа, так и крупных СМИ движению хиппи стали присваивать опасные и негативные черты, такие как употребление наркотиков, что вызывало ответную реакцию молодежи в виде увеличения численности представителей субкультуры с теми отличительными чертами, что огласило СМИ. Увеличилось количество наркоманов среди хиппи.

СМИ, как главный источник формирования общественного мнения, очень сильно влияет на мнение общества и популяризацию тех или иных аспектов жизни. Так, некоторые исследователи считают, что именно СМИ виновны в популяризации наркотиков среди молодежи. Движение хиппи – лишь один из многочисленных примеров того, как даже пропаганда может стать рекламой, и как моральная паника может оказать положительное влияние на какое-либо движение.

Литература

- Боровик 1968 – *Боровик Г.* Хождение в страну Хипплиндию // Вокруг света. 1968. № 9. С. 25–32.
- Громов 2021 – *Громов Д.В.* «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // Историческая психология и социология истории. 2021. № 1. С. 164–178.
- Коэн 2022 – *Коэн С.* Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров / Пер. с англ. А. Морозова, Д. Хамис; Под науч. ред. Е. Бондал; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 352 с.
- Мельниченко 2014 – *Мельниченко М.* Советский анекдот: Указатель сюжетов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1103 с.
- Фюрст 2023 – *Фюрст Ю.* Цветы, пробившие асфальт: Путешествие в Советскую Хипплиндию. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 664 с.
- Юрчак 2020 – *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 661 с.

А.С. Щеглов

Организация подпольных (цеховых) производств на территории СССР в 1985–1987 гг.

Зарождение современного российского предпринимательства и его родовые особенности являются актуальной темой в научном и общественном дискурсах. В статье рассматривается деятельность подпольных производств в СССР – одного из истоков частного предпринимательства в постсоветской России. Но какой характер могло иметь частное производство в плановой экономике с полным контролем государства над ресурсами и средствами производства? И как в свою очередь оно влияло на народное хозяйство? В данном исследовании автор предпримет попытку дать ответ на эти вопросы. На основе материалов мемуарной литературы, а также сообщений прессы в работе исследуются особенности деятельности цеховых производств в 1985–1987 гг. Изучаются механизмы действия нелегального сектора экономики. В центре внимания автора находятся способы снабжения ресурсами теневого цехового производства, организации в них производственного процесса, различные механизмы сбыта готовой продукции. Также анализируются причины прибыльности подпольных предприятий и их устойчивого существования в СССР. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что подпольные предприятия занимались низкотехнологичным производством, всецело зависели от сырья государственных предприятий, которое доставалось незаконно, методом краж или махинаций. Однако называть цеховые предприятия паразитическими все же нельзя. Несмотря на крайнюю простоту производимых ими товаров и их малую себестоимость, эта продукция была востребована на рынке и частично способствовала преодолению товарного дефицита – острой проблемы советской экономики. В этих условиях граждане были готовыкратно переплачивать за редкий товар, что и формировало сверхприбыль цеховиков.

Ключевые слова: теневая экономика, цеховики, подпольное производство, перестройка, экономика СССР

Мелкое и среднее предпринимательство является базисом рыночной экономики. На текущий момент в Российской Федерации развитие в первую очередь мелкого бизнеса остается одной из наиболее значимых задач. Генезис современного российского предпринимательства относится к периоду перестройки. В это время произошла

постепенная легализация подпольного цехового производства, составлявшего отдельный сектор в экономике Советского Союза. Изучение специфики подпольных производств становится актуальным в контексте анализа родовых особенностей российского предпринимательства.

К теме подпольного предпринимательства в СССР 1980-х гг. обращались Е.А. Андрюхин [Андрюхин 2010], Г.И. Ханин [Ханин 2010], Н.А. Митрохин¹ [Митрохин 2023], Л. Тимофеев [Тимофеев 2000], Т. Корягина [Корягина 1990], Ю. Козлов [Козлов 1990], А.Н. Шохин [Шохин 1990] и др. исследователи. Авторами были выделены некоторые аспекты деятельности подпольных производств, социальные и экономические причины их появления и устойчивого существования. Однако до сих пор остаются практически не изученными механизмы работы теневых производств в 1985–1987 гг. и их характерные черты.

Применительно к теневым производствам СССР сложилась устойчивая традиция, берущая свои истоки в еще советской официальной пропаганде, определяющая теневые производства как паразитическую надстройку на государственном секторе, вносящую в экономику дисбаланс [Ханин 2010, с. 19–20; Маметьев 2020, с. 67]. Основной исследовательской проблемой, поставленной в данном исследовании, является установление характера теневых производств и их влияния на экономику Союза.

В данной работе основными источниками стали материалы прессы – газеты «Правда» за 1984–1987 гг., а также источники личного происхождения – мемуары «цеховиков». Эти документы позволили выделить особенности организации подпольных производств: снабжения, налаживания технологического процесса, найма персонала, сбыта продукции. Кроме того, ценным источником стали нормативно-правовые акты, позволившие определить условия, в которых осуществлял свою работу подпольный сектор экономики.

Теневой рынок в СССР 1980-х гг. представлял из себя довольно сложную экономическую систему, включающую элементы незаконного производства продукции и торговли, организацию и защиту нелегальной деятельности и т. д.

Незаконное производство товаров являлось одной из основ существования черного рынка: от 1/3 до 2/3 товара, попадающего на него, было произведено на подпольных производствах [Козлов 1990, с. 123]. Цеховые производства были тесно связаны с государственными предприятиями, а их организация и экономическая эффективность определялись спецификой экономики Советского Союза.

Теневым производством в СССР занимались «цеховики», граждане, осуществлявшие массовое производство товаров на продажу для

¹ Министерством юстиции Российской Федерации внесен в список иностранных агентов.

извлечения личной прибыли, не зарегистрированное и не регулируемое государством [Андрюхин 2010, с. 10].

Виды теневых предприятий могли значительно отличаться по размеру, количеству работающих на них людей, объемам производства выпускаемой продукции. Например, в ходе так называемого хлопкового дела в Узбекистане были установлены факты существования огромных подпольных цехов, с десятками работников, занимавшихся переработкой хлопка². Однако значительно более типичным явлением были мелкие предприятия.

Для организации подпольного производства цеховику требовалось решить три задачи: организовать поставки сырья, обеспечить помещение и оборудование, организовать сбыт готовой продукции. Для масштабирования подпольной деятельности требовалось также нанять работников и разделить между ними функции, однако эта необходимость не была первоочередной.

Первым делом дельцу было необходимо добыть сырье. В экономике СССР все ресурсы принадлежали государству³. Продажа сырья для ведения производственной деятельности советским законодательством была запрещена, поэтому получение сырья происходило различными нелегальными способами.

Одним из самых распространенных способов было похищение материалов. Как правило, использовался следующий механизм: налаживались связи с работниками государственного предприятия, использующего необходимое сырье, они списывали часть сырья как непригодную продукцию, после чего она передавалась теневикам для их нужд. Дело в том, что списанные материалы выводились с баланса предприятия, то есть переставали подлежать учету и контролю⁴, после чего их было относительно легко и безопасно использовать для своих целей.

Вышеописанный алгоритм был наиболее распространен. А. Нилов описывает следующий механизм поступления сырья на подпольное предприятие отца. Отец автора работал заведующим производства на заводе по выделке линз⁵. В качестве материала для упаковки готовой продукции использовалась замша. Категория упаковочных материалов мало контролировалась и поставлялась всегда в количестве, пре-

² Овчаренко Г. Кобры над золотом // Правда. 1988. 23 янв. № 23. С. 3.

³ Ст. 11. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.] // Информационно-правовой портал Гарант.Ру. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 29.05.2024).

⁴ Здравый смысл велит // Правда. 1985. 24 мая. № 144. С. 2.

⁵ Нилов А. Цеховики. Рождение теневой экономики (записки подпольного миллионера). СПб.: Вектор, 2006. С. 34.

вышающем реальные потребности производства. По этой причине на заводе скапливались большие запасы и через определенное время их списывали, якобы по негодности⁶. После списания замша могла использоваться цеховиками для последующих операций.

Аналогичный пример приводится в мемуарах А. Паникина. Для организации своего производства он использовал глину с гончарной фабрики, которую списывали из-за дефектов⁷.

Сложно сказать, были ли дефекты реальными или же часть сырья намеренно списывалась для последующей перепродажи. В 1980-х гг. проблема потерь от бесхозяйственности стояла остро: в процессе транспортировки и хранения терялось сырье и готовой продукции на сумму до 629 млрд руб. [Козлов 1990, с. 122]. Так что, по-видимому, имели место оба варианта.

Помимо списания из-за некондиционности, для вывода с баланса могли применяться приписки – намеренное завышение плановых показателей, не подкрепленное произведенной продукцией. Таким образом, часть сырья могла реализовываться только на бумаге⁸, а в реальности сбываться цеховикам или использоваться для личных нужд.

После получения доступа к сырью вставал вопрос об организации производственных помещений и оборудования. Аренда или получение площадей под эти нужды была невозможна вплоть до введения постановлений Совета Министров СССР «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» от 5 февраля 1987 г.⁹ По этой причине наиболее распространены были два варианта организации производства: на основе личного жилья или при использовании государственных помещений.

Первый вариант предполагал организацию производства на дому. А. Нилов приводит информацию о том, что одно предприятие его отца располагалось на конспиративной квартире, где трудилась семья – хозяйка квартиры, ее муж и их родственники¹⁰.

Вторым вариантом было нецелевое использование государственных помещений. А. Нилов отмечает, что вторым предприятием было ателье, директора которого заместитель отца привлек к делу, очевидно, путем взятки¹¹. Контроль за использованием помещений в нерабочее время был достаточно слабый, что давало возможности их ис-

⁶ Нилов А. Указ. соч. С. 34.

⁷ Паникин А. Шестое доказательство. М., 1998. С. 73.

⁸ «Всем ли нравится порядок?» // Правда. 1986. 8 авг. № 220. С. 3.

⁹ Постановление Совета министров СССР 5 ноября 1987 г. № 162 «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» // Электронный каталог Е-досье. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/3tQKDtWcZcApdRHUZ7NzQ> (дата обращения: 29.05.2024).

¹⁰ Нилов А. Указ. соч. С. 35.

¹¹ Там же.

пользования в личных целях, организовывая дополнительные смены [Митрохин 2023, с. 114].

Схожим образом действовал Н. Паникин. Его подпольное предприятие действовало как артель, состоящая из людей, получивших патент на индивидуально-трудовую деятельность. На этом основании ему удалось получить мастерскую, также не без помощи взятки¹².

После организации помещений вставал вопрос об оборудовании. Его необходимость, а также номенклатура определялись характером производства. Как правило, оно являлось технически простым и могло быть легко закуплено в частном порядке. Так, например, предприятие А. Нилова требовало для своей деятельности лишь швейные машины для производства пиджаков¹³, а предприятие А. Паникина – гончарные круги, на которых изготавливались различные глиняные изделия¹⁴.

Впрочем, получение и более сложного оборудования было возможно. 25 февраля 1985 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем развитии форм индивидуальной и коллективной трудовой деятельности граждан в сферах производства товаров народного потребления и оказания услуг населению», разрешавшее продажу промышленного оборудования частным лицам, фактически в противоречие конституции, что значительно облегчало организацию подпольных производств [Пихоя 2021, с. 376].

Масштабирование производства подразумевало необходимость найма дополнительных работников. Этот вопрос решался наиболее простым способом. Желающих дополнительно заработать хватало, и новые сотрудники набирались, как правило, из знакомых¹⁵.

После этапа производства вставал вопрос о сбыте готовой продукции. Его реализация была возможна несколькими способами. Чаще всего она происходила в частном порядке, путем торговли «с рук» либо самим цеховиком, либо через посредников. А. Паникин продавал свою продукцию в подземном переходе у Казанского вокзала¹⁶. Часть продукции предприятия А. Нилова реализовывалась через спекулянтов на рынках¹⁷. Вещевые рынки были распространенным явлением в СССР с конца 1970-х гг. На них нелегально продавалась практически любая продукция, как произведенная цеховиками, так и привезенная из-за границы или похищенная с предприятий государственной торговой сети [Пихоя 2021, с. 373].

¹² Паникин А. Указ. соч. С. 63.

¹³ Нилов А. Указ. соч. С. 35.

¹⁴ Паникин А. Указ. соч. С. 66.

¹⁵ Материалы Пленума центрального комитета КПСС 27–28 января 1987 года. М., 1987. С. 11–12.

¹⁶ Паникин А. Шестое доказательство... С. 66.

¹⁷ Нилов А. Цеховики... С. 31.

Другим способом реализации продукции были нелегальные поставки в государственную торговую сеть. Продукция предприятия А. Нилова, например, реализовывалась через комиссионный магазин в Апраксином дворе¹⁸.

При реализации продукция цеховиков получала значительную наценку (до 30 раз!), учитывая крайне низкую стоимость исходного сырья и производственного процесса¹⁹. Разумеется, такая продукция стоила дороже товаров государственного сектора экономики, но в условиях нарастающего дефицита граждане были готовы платить за уникальный товар. Основная прибыль цеховых производств формировалась именно за счет спекуляции²⁰ [Богданов 2009, с. 114].

Таким образом, цеховиками реализовывался полный цикл предпринимательской деятельности. Можно выделить ряд характерных черт, присущих цеховому производству в СССР 1985–1987 гг.

Труд на подпольных производствах был преимущественно ручным, минимально автоматизированным. Производственная цепочка была короткой и включала несколько технологических операций, очень дешевых. Изготавливаемая продукция была низкотехнологичной, а ее номенклатура крайне узкой – одно предприятие изготавливало не более 2–3 видов изделий.

Цеховые производства полностью зависели от сырья государственных предприятий, однако говорить об их паразитическом характере нельзя. Безусловно, основной объем прибыли цеховики получали за счет значительной накрутки цен по сравнению с государственными расценками. Но вместе с этим цеховые предприятия наполняли рынок дефицитной и востребованной, пусть и «ширпотребной», продукцией.

Эффективным подпольное производство делали несколько факторов: уклонение от уплаты налогов, дешевое сырье государственных предприятий, низкие расходы на всех этапах производства, высокая цена конечной продукции вследствие дефицита и малого ассортимента государственного сектора экономики.

Литература

Андрюхин 2010 – Андрюхин Е.А. Неофициальное предпринимательство в СССР в 60–80-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4. С. 9–11.

Богданов 2009 – Богданов С.В. Власть и экономическая преступность в СССР в период перестройки // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2009. № 9. С. 109–118.

¹⁸ Там же. С. 35.

¹⁹ Паникин А. Шестое доказательство... С. 77.

²⁰ Материалы Пленума ЦК КПСС. 25–26 июня 1987 г. М., 1987. С. 30.

- Козлов 1990 – *Козлов Ю.* Теневая экономика и преступность // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 120–127.
- Корягина 1990 – *Корягина Т.* Теневая экономика в СССР (анализ, оценки, прогнозы) // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 110–120.
- Маметьев 2020 – *Маметьев И.В.* Особенности теневой экономики в СССР эпохи застоя // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2020. № 1. С. 65–69.
- Митрохин 2023 – *Митрохин Н.А.* Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 608 с.
- Пихоя 2021 – *Пихоя Р.Г.* Радикальные экономические реформы 1980-х гг. в СССР // Экономическая история. 2021. С. 371–389.
- Тимофеев 2000 – *Тимофеев Л.М.* Институциональная коррупция: Очерки теории. М.: РГГУ, 2000. 363 с.
- Ханин 2010 – *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. 408 с.
- Шохин 1990 – *Шохин А.Н.* О структуре и масштабах теневой экономики // Финансы СССР. 1990. № 7. С. 24–35.

Культура диаспор

УДК
ББК

Е.Д. Акулина

Любительский польский театр в Москве в начале XX в.

Вследствие промышленного развития Москвы и роста миграции польского населения вглубь Российской империи в конце XIX – начале XX в. польская диаспора в городе значительно увеличилась. В 1897 г. в Москве проживало 9 тыс. поляков, что делало их третьей по численности нацией среди москвичей. Столь многочисленная, быстрорастущая община нуждалась в новых формах организации. До выхода в 1905 г. Октябрьского манифеста и последовавших за ним временных правил об обществах и союзах единственным возможным видом общественной деятельности была благотворительность. С 1880-х гг. центром польской диаспоры в Москве было Общество вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания при соборе Свв. Апостолов Петра и Павла. На протяжении тридцати лет оно вело не только благотворительную, но и культурную деятельность, важной частью которой был любительский польский театр. В статье автор выявляет, каким был польский театральные вечера в Москве до 1905 г., прослеживает опыт сохранения традиции любительского национального театра в среде московских поляков в конце XIX – начале XX в. и определяет его оценку членами диаспоры.

Ключевые слова: поляки, польская диаспора, любительский театр, афиша, культурная история

С середины XIX в. центром польской диаспоры в Москве был римско-католический собор Свв. Апостолов Петра и Павла в Милютинском переулке. С развитием промышленности польское население города росло: в Москву приезжали рабочие – среди них особенно выделяется группа работников текстильной промышленности, ремесленники – портные и слесари, чиновники, представители польских и зарубежных компаний, интеллигенция: инженеры, часто работавшие на железных дорогах, врачи и адвокаты, а также студенты. В 1882 г. в Москве проживало 4,5 тыс. поляков, в 1897 г. их было 9 тыс., а в 1902 г. –

более 11 тыс. [Dzwonkowski 1991, с. 191]. Так в начале XX в. московские поляки по численности уступали только русским и немцам. Столь многочисленная, быстрорастущая диаспора нуждалась в новых способах организации. Вплоть до манифеста 17 октября 1905 г. и последовавших за ним временных правил об обществах и союзах единственной возможной формой общественной деятельности была благотворительность.

В 1885 г. при приходе Свв. Апостолов Петра и Павла начало деятельность Общество вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания. Наряду с поляками в его члены входили католики белорусы и литовцы, но поляки в обществе значительно преобладали и, как позже заявляли организаторы,

...хотя оно и работало под знаком конфессии, но было откровенно польским, так как польский труд и польская копейка с самого начала были и оставались в нем¹.

Общество занималось филантропией: уходом за больными, трудоустройством эмигрантов и юридической помощью, все документы велись на польском языке. В состав организации входили самые обеспеченные слои католической общины: землевладельцы, купцы, предприниматели, представители интеллигенции – инженеры, адвокаты и врачи. Бессменным председателем общества с 1908 по 1917 г. был крупный политический и общественный деятель, адвокат, депутат Государственной думы I созыва Александр Ледницкий. Сочувствовал целям общества генерал Альфонс Шанявский: в 1905 г. в завещании он передал 40 тыс. рублей на постройку собственного здания для организации [Dzwonkowski 1991, с. 197]. Общество помощи католикам играло роль культурного центра польской диаспоры, при нем имелась библиотека из нескольких тысяч религиозных, художественных, детских и научных книг и газет на польском языке². Неотъемлемой частью деятельности организации был любительский польский театр, содержащийся на пожертвования ее членов. С 1883 г. вплоть до 1905 г. руководителем театра был Юзеф Хохедлингер, потомственный дворянин, любитель искусств, автор статей в петербургской польской газете “Kraj” и газете “Kurjer Warszawski”, член краковского Общества поощрения художеств.

¹ Rocznik Stowarzyszenia “Dom Polski” w Moskwie: sprawozdanie za rok 1908. URL: <https://polona.pl/preview/d3f2779d-669c-4951-ad2a-7bbaebfb2b0b> (дата обращения: 02.03.2025).

² Katalog Książek polskich Biblioteki przy Towarzystwie Dobroczyńności w Moskwie. URL: <https://www.rcin.org.pl/dlibra/publication/180806/edition/146511/content> (дата обращения: 03.02.2025).

Источников о любительском польском театре в Москве до 1905 г. сохранилось немного. Представления были доступны ограниченному кругу лиц: членам Общества помощи католикам, прихожанам и их знакомым. Польской печати, которая могла бы сыграть роль в распространении информации о культурной жизни общины, в Москве не было. В базе данных Национальной библиотеки Польши Polona.pl была обнаружена афиша вечера, организованного 9 декабря 1900 г. любительским польским театром при Обществе вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания в Москве (рис. 1)³. Отечественные исследователи ранее не обращались к данному источнику, тем временем он дает представление о том, как выглядел любительский польский театр в Москве в начале XX в. Афиша размером 50 на 35 см была напечатана в скоропечатне А.А. Левенсона – типографии, которая занималась выпуском программ для Императорских театров. Внимание привлекает бумага, на которой напечатана программа: по краям полотна располагаются рисунки в стиле традиционной японской живописи нихонга, снизу в центре изображен японский обед, а выше – люди в национальных костюмах и поселение на берегу реки. В центре сверху – надпись: «Ф. Пульс. Депо туалетного мыла и духов» с адресом на русском и польском языках, по бокам – аналогично надпись: «Бумага, насыщенная духами на заводе Фридриха Пульса в Варшаве». Это позволяет предположить, что полотно с рисунками было выпущено в Варшаве в целях рекламы парфюмерной фабрики Фридриха Пульса, с 1890-х гг. начавшей осваивать российский рынок⁴, а текст программы театрального вечера был напечатан черной краской поверх уже в Москве.

До постройки здания Польской библиотеки в 1905 г. для проведения мероприятий и репетиций приходилось арендовать помещения. Общество вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания обладало капиталом в несколько тысяч рублей и имело такую возможность. Театральный вечер 9 декабря 1900 г. прошел в залах Немецкого клуба на ул. Рождественке. Здание располагало просторной сценой, бальным залом и множеством комнат. Здесь регулярно проводились выступления различных театральных групп, музыкальные и танцевальные вечера и благотворительные ярмарки. В 1891 г. в клубе был поставлен спектакль «Плоды просвещения» Л.Н. Толстого, здесь в том же году дебютировал в роли режиссера К.С. Станиславский [Томан 2013, с. 8].

Программа вечера позволяет проследить опыт проведения польских любительских театральных представлений Общества помощи

³ Program: W sobotę, dnia 9 grudnia... URL: <https://polona.pl/preview/4ef4be17-4b85-4c94-8611-093a1f96373c> (дата обращения: 03.02.2025).

⁴ Отчет Правления Акционерного общества Варшавской парфюмерной фабрики «Фридрих Пульс» в Варшаве... Warszawa, [1902]–[1914]. 27 с.

Рис. 1. Афиша вечера любительского польского театра при Обществе вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания в Москве, 9 декабря 1900 г.

католикам. В театре играли произведения польских авторов на польском языке. Преимущественно это были небольшие отрывки – те, которые удавалось поставить коллективу любителей и которые не утомляли публику. Театральный вечер 9 декабря 1900 г. состоял из трех представлений. Первое – одноактная комедия Антони Поплавского и Яна Голанского «Комната в аренду» (1894 г.), в постановке участвовало 10 человек. Второе – первый акт драмы «На одну карту» (1897 г.) будущего нобелевского лауреата Генрика Сенкевича. Главный герой драмы – кандидат в депутаты от демократов, который пытается завоевать руку дочери старгородского князя. В этой постановке были задействованы еще восемь человек, роль князя исполнял организатор Юзеф Хохедлингер. В третьей части программы была представлена пантомима, поставленная художником С. Муцарским, декорации к

ней подготовил профессиональный театральный декоратор А. Малевич. Было сыграно 9 коротких пантомим: отрывки из оперы «Галька» Станислава Монюшки, поэм «Пан Тадеуш», «Огнем и мечом» и «Пан Володыевский» Адама Мицкевича, трагедии «Мазепа» Юлиуша Словацкого, два отрывка романа «Камо грядеши» Генрика Сенкевича. Так же были показаны картина «Элегия» Генриха Семирадского и скульптура «Краковяк и краковянка» Антони Кужавы.

Спектр произведений был широким: играли преимущественно комедии, но имели место и трагедии. Оторванные от Польши, московские поляки тяготели к классикам польской литературы, не забывая о художниках и скульпторах. Подготовка к такому вечеру длилась несколько месяцев и включала в себя написание сценария, регулярные репетиции и создание декораций и костюмов. Это требовало постоянных вложений, самым существенным из которых была аренда помещений. Как актерский состав, так и публика состояли преимущественно из обеспеченных поляков и представителей интеллигенции. На вечерах собиралось до 400 человек. После театральных показов начинались танцы. 9 декабря в программе было девять танцев: вальс, контрданс, па-де-катр, венгерка, па-де-патинер, снова контрданс, вальс, па д'Эспань и шакон. Затем был запланирован пятнадцатиминутный антракт, после которого приступили к финалу вечера – польской мазурке. Танцы продолжались до 3 часов ночи.

Проведение столь масштабных мероприятий в условиях законодательных ограничений говорит о должном уровне организации польской общины в Москве. Несмотря на то что произведения Адама Мицкевича подвергались цензуре, московский обер-полицеймейстер Д.Ф. Трепов разрешил печать афиши, и на сцене были поставлены пантомимы из трех самых известных произведений поэта. В польской историографии присутствует мнение, что проведение польских культурных мероприятий было возможно благодаря личным связям и дипломатичности Александра Ледницкого [Dzwonkowski 1991, с. 200]. Именно с приходом Ледницкого в 1890 г. сначала на пост секретаря, а затем и председателя Общества вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания началась работа в области культуры: помимо спектаклей, был организован хор, который позже оформился как Общество любителей хорового пения «Лютня», началась организация уличных гуляний, рождественских и пасхальных праздников для детей.

С выходом временных правил об обществах и союзах 4 марта 1906 г. была разрешена организация светских обществ. В октябре 1907 г. активными членами Общества помощи католикам было создано культурное общество «Дом Польский». Новая организация также разместилась на территории собора Свв. Апостолов Петра и Павла. В отличие от католического общества, она поставила целью объеди-

нение всего многочисленного польского населения Москвы. В 1907 г. организаторы успели создать только культурно-просветительскую секцию. Опираясь на опыт Общества вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания, «Дом Польский» с первых дней начал организовывать праздничные торжества, танцевальные вечера и гулянья, бесплатные для членов общества. На торжественном открытии «Дома Польского» 2 декабря 1907 г. организаторы заявляли о необходимости создания театра, доступного для всех поляков Москвы, указывая на многочисленных рабочих, которые приезжают в город за заработком, ведь людям физического труда особенно важно иметь развлечения⁵. Для повышения культурного уровня эмигрантов и борьбы с распространенной проблемой алкоголизма «необходимо заменить ядовитое заклинание алкоголя очарованием искусства и знаний, поднимающим человека на духовные высоты», инструментом к чему в том числе должен стать театр на родном языке. Активисты диаспоры продолжали тяготеть к национальным классикам и обсуждали приглашение в Москву профессиональных театральных трупп из Вильнюса и Лодзи:

Одним из горячих желаний Совета было дать польской колонии возможность увидеть на сцене те шедевры драматической поэзии нашей, которые уже несколько лет вызывают всеобщее восхищение в нашей стране, для нас они совершенно недоступны. Большинство польских эмигрантов никогда в жизни не увидят на сцене ни «Свадьбы» Выспянского, ни «Дядю» Мицкевича, ни других гениальных произведений⁶.

Несмотря на планы приглашения профессиональных артистов, до начала Первой мировой войны польская театральная жизнь в Москве за редким исключением была представлена именно любительским театром.

В первый год работы «Дома Польского» было организовано 10 музыкальных и танцевальных вечеров, но драматическая секция смогла дать только одно представление. В отчете общества за 1908 г. читаем:

В Москве есть препятствия, которые чрезвычайно затрудняют создание постоянной любительской польской сцены. Рассеивание польского населения по огромным районам города, отсутствие связи между поляками, слабое сердцебиение умственной жизни колонии, поглощенной оплачиваемой работой, дорогие, наконец, театральные залы – вот основные

⁵ Rocznik Stowarzyszenia "Dom Polski" w Moskwie: sprawozdanie za rok 1908. URL: <https://polona.pl/preview/d3f2779d-669c-4951-ad2a-7bbaebfb2b0b> (дата обращения: 02.03.2025).

⁶ Ibid.

причины, вследствие которых, несмотря на давние усилия нескольких членов, мы не можем получить еще такой любительский театр, какой есть, например, в Одессе, где польские спектакли проходят по несколько раз в неделю. Из-за этого и драматическая секция при «Доме Польском» не могла пока развить более широкую деятельность. Может быть, когда «Дом Польский» привлечет больше активных членов, а в здании Польской библиотеки будет устроен зрительный зал, можно будет и у нас, по крайней мере, один или два раза в месяц ставить небольшие комедии⁷.

Театральный вечер «Дома Польского» 18 октября 1908 г. прошел в зале театра Гирша на ул. Поварской. Театр занимал два этажа дома братьев Гирш, не имел собственной труппы и сдавался внаем любительским коллективам [Короткий и др. 2002, с. 237]. Драматическая секция «Дома Польского» поставила «Хлопов-аристократов» Владислава Анчица и «Анткову свадьбу» Зигмунда Пшибыльского. В спектакле приняли участие 13 человек, в зале собралось более 680 зрителей. Представление дало прибыль в 153 руб. Участие в культурных мероприятиях нового общества принимали и старые активисты любительской польской сцены, такие как Юзеф Хохедлингер и Юзеф Эверт. Вместе с тем «Дом Польский» в первый год работы не располагал тем уровнем организации и теми средствами, которые имело Общество помощи католикам, поэтому проведение крупных театральных вечеров вызвало трудности.

В последующие годы при «Доме Польском» удалось создать постоянную любительскую польскую сцену. В 1914 г. драматическая секция насчитывала уже 40 членов, которые в течение года организовали шесть театральных вечеров. Три из них были проведены в специально организованном для этого зале Польской библиотеки, три – в арендованных помещениях⁸.

Любительский польский театр в конце XIX – начале XX в. действовал во многих российских городах, где организовано существовала польская диаспора: несколько любительских коллективов было в Петербурге [Смирнова 2013], ежемесячные постановки показывал театр «Дома Польского» в Одессе⁹, регулярно встречаем объявления о театральных и танцевальных вечерах, проводимых польской общиной в Томске¹⁰. Несмотря на трудности в организации, польский театр был

⁷ Ibid.

⁸ Rocznik Stowarzyszenia “Dom Polski” w Moskwie. Sprawozdanie za rok 1914-у. Moskwa: Druk W. Lehmana, 1915. С. 20.

⁹ Rocznik Stowarzyszenia “Dom Polski” w Moskwie: sprawozdanie za rok 1908. URL: <https://polona.pl/preview/d3f2779d-669c-4951-ad2a-7bbaebfb2b0b> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁰ Напр.: Сибирская жизнь. Томск, 1897–1919. 1903. № 30. С. 1.

обязательной частью культурной жизни польской диаспоры в Москве. Необходимость проведения культурных вечеров осознавалась и членами Общества помощи католикам, и организаторами нового общества:

...вечера «Дома Польского» доставляют полезное и облагораживающее развлечение небогатым слоям колонии, которые до сих пор были почти лишены его, потому что уже не только театр, балы и концерты, но даже поддержание обычных общественных отношений обходится в Москве очень дорого¹¹.

Театральные, музыкальные и танцевальные вечера играли важную социальную роль: они становились местом общения и совместного развлечения членов диаспоры, способствовали сохранению польской национальной культуры и идентичности московских поляков.

Литература

- Короткий и др. 2002 – *Короткий В.М., Блюменталь-Тамарин А.Э., Бауэр Е.Ф.* Материалы к истории русского светотворчества // Киноведческие записки. 2002. № 56. С. 236–272.
- Смирнова 2013 – *Смирнова Т.М.* Польские общества в Санкт-Петербурге, конец XIX – начало XX века. СПб.: Европейский дом, 2013. 260 с.
- Томан 2013 – *Томан И.* Памятники истории и культуры московских немцев. М.: АПКППРО, 2013. 121 с.
- Dzwonkowski 1991 – *Dzwonkowski W.* Rosja a Polska. Warszawa: Oficyna wydaw. Interim, 1991. 239 с.

¹¹ Rocznik Stowarzyszenia “Dom Polski” w Moskwie: sprawozdanie za rok 1908. URL: <https://polona.pl/preview/d3f2779d-669c-4951-ad2a-7bbaebfb2b0b> (дата обращения: 02.03.2025).

Е.И. Хандожко

Концептуализация идеи «пробуждения казачества» на страницах журнала «Вольное казачество»

В статье приводится проведенный на основе материалов журнала «Вольное казачество – Вільне козацтво» анализ условий и исходных точек формирования исторического дискурса в интеллектуальной среде вольноказачьей эмиграции первой волны. Самостийниками была сформулирована идея «пробуждения казачества», которая предполагала борьбу за осознание казаками собственного национального прошлого, пробуждение национального самосознания и стремление к созданию суверенного казачьего государства «Казаккии» на территориях бывшей Российской империи. В основе идеи «пробуждения» лежал тезис о том, что казачество еще не сумело осознать себя как самостоятельный народ. Восприятие истории Гражданской войны привело авторов к выводам о предательстве казачества его лидерами как о главной причине поражения казачьих сил и о необходимости поиска новых авторитетов. Самостийники-интеллектуалы определяли себя авангардом дела «пробуждения казачества», противопоставляя «старшинско-дворянской группировке» старых атаманов, обвиняемых ими в пророссийских взглядах. Главным рупором казачьей национальной идеи должны были стать периодические издания. Самостийниками осуществлялся поиск свидетельств независимого государственного прошлого казачества в работах дореволюционных историков. Подвергались критике и пересмотру взгляды отечественных историков на казачество как на составную часть великорусского народа. Была развита концепция казачества как отдельного славянского народа, согласно чему, в интерпретации самостийников, оно являлось носителем республиканских ценностей и противопоставлялось допетровской России. Поиск форм нового казачьего государственного общежития и уникальных национальных черт казачества обусловил основы, тон и логику исторических изысканий принадлежащих к самостийному направлению казачьих историков в межвоенный период, стремившихся найти обоснование и примеры данных конструкций в казачьем прошлом.

Ключевые слова: Вольное казачество, эмиграция, национализм, Казакия, самостийность, эмигрантские периодические издания

Вопросы нациестроительства в рамках XX в. и интеллектуальных оснований идей национализма остаются востребованными для современного гуманитарного знания, особенно для отечественной исторической науки. Процессы национального конструирования и

формирования различных национальных мифов, рассматриваемые в общеевропейском историческом контексте эпохи, одновременно особенно важны для осмысления ключевых процессов истории имперского и постимперского российского пространства. Одной из сторон данной проблемы является вопрос интеллектуальных националистических проектов в рамках эмигрантских сообществ первой половины XX в. Этот вопрос выделяется спецификой входящих в него сюжетов, обусловленных начавшимися в рамках имперской государственности процессов, но серьезно трансформировавшихся в условиях отчуждения от привычного уклада жизни и норм самоидентификации.

Сообщество отечественной эмиграции во всем его многообразии породило огромное число различных национальных проектов. Одним из них являлась вольноказачья («самостийная») идея. Особенностью вольноказачьего национализма являлся тот факт, что, хотя внутри казачества уже в самом начале XX в. поднимались на повестку попытки националистической трактовки казачества, специфика организации казачьего бытия и отсутствие в тот период у казачьих националистов стройной идеологии и единой теории собственного происхождения делали проблематичным создание жизнеспособного варианта самоидентификации казачества. Казачий национализм проявился яркими всплесками как реакция на события 1905 г., и события 1917 г., и в ходе Гражданской войны, когда ему удалось попробовать свои силы в условиях независимости. Однако, как отмечается исследователями, все казачье-националистические проекты доэмигрантского периода упирались в невозможность обойтись без прежней идентичности, принимали формы скорее этнократической и сословной, нежели подлинно национальной позиции, что отчасти и обусловило их поражение в условиях разрушения сословного общества [Кислицын, Кучинский 2021, с. 103–104]. Разрыв же с привычным образом жизни в условиях изгнания, рефлексия над собственными ошибками и опытом других национальных движений эпохи обусловили поиски нового, самобытного способа развития идей казачьего «самостийного» национализма.

Общественно-политическая мысль казачьего зарубежья, конечно, не являлась гомогенным полем. Ориентируясь на классификацию, предложенную Э.В. Бурдой, можно разделить ее на пять условных направлений: монархисты, автономисты, националисты, «самостийники» и социалисты [Бурда 2011]. Эти группы различались между собой как взглядом на политическое будущее казачества, так и в принципе на его природу и происхождение, и, конечно, внутри каждого из них при желании можно отыскать достаточное для еще более дробного деления количество различий. Однако, что также важно, идеи казачьего национализма можно так или иначе встретить в каждом из направлений – в наибольшей степени в третьем и четвертом. Особенностью же именно «самостийного» национализма являлся его явный

радикализм – если остальные направления либо оставались на сугубо пророссийских позициях или, по крайней мере, лояльных к казачьим войсковым атаманам, либо, как казаки-социалисты, примыкали к более сильным общеэмигрантским структурам и движениям, то только «самостийники» последовательно отстаивали идеи казачьего сепаратизма и межевания с авторитетами казачьего зарубежья, предпочитая выстраивать стратегические союзнические отношения с другими сепаратистскими национальными движениями внутри эмигрантского мира.

Основная особенность именно вольноказачьего эмигрантского национализма – это формирование его идеологического ядра уже непосредственно в условиях эмиграции с разрывом преемственности от дореволюционных политических проектов и организационных структур. Как отмечает С.М. Маркедонов, в политическом мире дореволюционной России отсутствовали существенные националистические или сепаратистские казачьи партии и движения, не представлены были такие взгляды и в программе казачьей группы Государственной думы – в то время как сами по себе разрозненные националистические идеи в казачьей среде уже существовали [Маркедонов 2001, с. 531]. Для казаков-националистов дореволюционных лет в действительности гораздо более существенными были вопросы о земле, о военной службе и противостоянии иногородцам, нежели о национальном самоопределении, а идеи казачьего сепаратизма и непризнания высших институтов имперской власти на повестке отсутствовали [Кислицын, Кучинский 2021, с. 102]. События же краха империи дали «бродячим» идеям казачьего национализма импульс, необходимый для их осмысления и оформления в цельную идеологическую систему – которая, однако, на деле собиралась стихийно в буре революционных событий, и так и не смогла обрести адекватные времени форму и содержание, перерасти сословное «я» казачества.

Таким образом, перед националистами-эмигрантами встала задача по созданию нового проекта, в уже совсем других условиях – вдали от дома и привычной жизни, но с крайне богатым для рефлексии опытом.

Ближе всего к этому, пожалуй, подобралось «Движение вольного казачества» – круг фигур, состоявший преимущественно из донцев и кубанцев, в который входили И.А. Билый, М.В. Фролов, И.Ф. Быкадоров, Т.М. Стариков, Ш.Н. Балинов, А.К. Ленивов и др. Эта организация, вышедшая из редколлегии журнала «Путь казачества» (державшегося куда более умеренного направления под редакцией В.А. Харламова), с самого начала своего самостоятельного пути преследовала задачу не только последовательного формулирования основ казачьей национальной идеи и концептуализации казачьего прошлого в ее рамках, но и придания ей формы политической программы, касающейся бу-

дущего казачества и казачьих земель, вопросов обретения государственной независимости и будущей организации такого государства.

Главным рупором общественно-политической деятельности движения стал журнал «Вольное казачество – Вільне козацтво», издававшийся с 1927 по 1939 г. под главной редакцией М.В. Фролова и И.А. Билого – что само по себе является внушительным «сроком жизни» для эмигрантского издания, тем более относящегося к такой специфичной идеологической направленности. В основу публикационной повестки легли задачи как сохранения и приумножения казачьей культуры, которые она осуществляла через публикацию большого объема художественной литературы, в том числе за авторством молодых современных казачьих авторов, так и задачи национального пробуждения казачества, формулирования у казаков чувства национальной принадлежности и самобытности, независимости собственных корней и политической борьбы за обретение реальной государственной независимости.

В 1931 г. редакция журнала, рассуждая о возможностях реализации политической задачи вольноказачьей идеи – создании независимого казачьего государства, приложила к дискуссии о том, в какой степени казачья самостоятельность может опираться на свои собственные казачьи силы, текст казака Ш. Ниминова, в котором были определены четыре необходимых фактора в деле освобождения любого народа:

- 1) Четко выявленное желание этого народа освободиться, бороться за свою свободу, жертвовать за это своим достоянием и жизнью; 2) Соответствующая международная обстановка; 3) Наличие сильных и подготовленных союзников, которые, ради собственного интереса, могли бы на международном форуме отстаивать освобождение данного народа и 4) Соответствующее «плохое» состояние фактора, который заинтересован в дальнейшем закабаленном состоянии данного народа¹.

Выделение этих необходимых условий автор подкрепляет примерами современных ему национальных освобождений народов Чехословакии, Польши, Эстонии и др. – т. е. народов, по его мнению, веками осознававших себя и ведших свою борьбу за независимость (борьбу, которая была к тому же хорошо известна внешнему миру), и которые приняли активное участие в мировой войне, удачно ориентируясь на сторону победителей. При этом, констатируя состояние этих факторов, автор, хоть и отмечая положительное состояние последнего (намекая на слабость советского государства), писал о неудовлетворительном состоянии остальных: только возможности нали-

¹ *Ниминов Ш.* По вопросу о Всеказачьем съезде // Вольное казачество – Вільне козацтво. 1931. № 79. С. 17.

чия, но еще не наличии возможных союзников, знающих о борьбе казачества и готовых ради собственной выгоды эту борьбу поддержать, и непредрежденности мировой обстановки, в силу чего не представлялось заранее знать, когда именно могло бы открыться новое окно возможности для национального освобождения (в первую очередь военным путем, апеллируя к опыту созданных после мировой войны государств). Однако то, на чем в особенности было предложено сфокусироваться вольноказачьему движению во время отсутствия международной конъюнктуры, – это первое и первоочередное условие, заключавшееся в развитии стремления казачества к борьбе за свободу и государственность; оно в подлинном смысле, по признанию автора, тоже отсутствовало, находясь еще на раннем этапе формирования, и «выявление массового пробуждения казачьего национального самосознания и проникновения этого его желания в мировое общественное мнение» являлось целью недостигнутой, несмотря на сделанные в этом направлении шаги².

Ради претворения этих задач в жизнь на страницах журнала формулировалась и транслировалась идея «пробуждения казачества». В ее основе лежало представление о том, что современное ей казачество еще не осознавало себя в качестве самостоятельного народа, поэтому его необходимо было подтолкнуть к мысли о собственной национальной исключительности, привить ему национальную идею и самосознание, и делать это необходимо, в первую очередь, через печать. Нести же факел борьбы за национальные интересы казачества должна была казачья интеллигенция, которая, по мнению редакции, не только обладала «осознанным народным казачьим чувством», но и ею «всегда возглавлялись все казачьи восстания и движения», поэтому именно она наиболее подходила для задачи руководства «возрождения» казачьего национально-освободительного движения³.

Казачья интеллигенция противопоставлялась приверженной «единонеделимческой» идее, так называемой старшинско-дворянской группировке⁴ – формальному руководству казачества в эмиграции, такому, как, например, фигура генерала А.П. Богаевского, являвшегося одним из наиболее авторитетных представителей казачьего эмигрантского сообщества. Он и созданные им казачьи организации, по мнению редакции журнала, прокладывали путь казачеству к новому поражению, продолжая продвигать прежний белогвардейский путь⁵.

² *Ниминов Ш.* Указ. соч. С. 17.

³ Еще о роли интеллигенции // *Вольное казачество – Вільне козацтво.* 1931. № 77. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Печальная годовщина // *Вольное казачество – Вільне козацтво.* 1931. № 79. С. 3.

При этом, сложно сказать, что и сам А.П. Богаевский, и руководимый им Объединенный совет Дона, Кубани и Терека (О.С.Д.К.Т.), также, как и созданный на его основе Казачий союз, в действительности стояли на «единонеделимческих» позициях. Скорее, они были куда ближе к идеям казачьего автономизма – варианта существования казачества в рамках (освобожденной) России, но с правами широкого самоуправления, а их программные документы по большей части выражали позиции невмешательства в процесс формирования власти в остальной части страны; у самого же А.П. Богаевского было достаточно политических противоречий с лидерами Белого движения в эмиграции [Гаврилов 2013]. Тем не менее вольноказачье движение распространило на них обвинение в «предательстве» казачества для выслуги перед «великорусским центром», тем самым противопоставляя себя очень большой части общественно-политического мира казачьего зарубежья – стоит помнить, что О.С.Д.К.Т. и Казачий союз являлись одними из наиболее крупных и авторитетных казачье-эмигрантских групп, и выражавшиеся ими идеи казачьего автономизма оставались крайне непопулярными, в то время как «пробуждение казачества», предлагаемое самостийниками, должно было быть осуществлено теми казаками, которые не «запятнали» себя сотрудничеством с белыми и которые обладали «правильными» политико-государственными взглядами.

Очевидно, по мнению самостийников, несмотря на богатое прошлое, казачество все еще не было сформированной нацией, поскольку оно продолжало ориентироваться на Россию как политически – в форме поддержки Белого движения и разделения единонеделимческих взглядов, так и в полном смысле национально – в форме причисления казаками себя к русским людям. Именно поэтому движению требовалось «открыть глаза» казачества на собственное прошлое путем разжигания интереса публики к своей истории и создания целостного образа своего прошлого, который, однако, на практике остался в большей степени политическим проектом.

Основной идеей, в рамках которой казачество должно было быть «пробуждено» интеллигенцией, было представление об историческом наличии у казачества утраченной государственности и народной самобытности. Эталоном казачьей государственности самостийники видели «республику» Дикого поля, противопоставляемую Русскому государству. Казачество позиционировалось как отдельный славянский народ наряду с белорусским, украинским и великорусским⁶. Этот отдельный народ, как считали самостийники, вел самостоятельную независимую жизнь вплоть до начала XVIII в. Противопоставляя казачество и допетровскую Россию, они выделяли резкую разницу в

⁶ Лиге наций // Вольное казачество – Вільне козацтво. 1930. № 58. С. 4.

их началах: «свобода, равенство, братство», «республика», с одной стороны, и «рабство, лесть, ложь и пресмыкание» – с другой⁷. Эту тему так же раскрывал в своем творчестве И.Ф. Быкадоров, чья работа «История казачества» была посвящена как раз описанию исторического генезиса казачьего народа и его пути к государственности. Для И.Ф. Быкадорова исторические концепции «бегства на Дон», естественно, были неприемлемы, и существующая историография им совершенно четко разделялась на официальную великорусскую историографию и маргинализированную непосредственно казачью [Маркедонов 2001, с. 544]. Его взгляд на казачество как на народ с древней, уникальной историей, ведущий свою родословную еще из домонгольских времен⁸, изложенный в его книгах, стал той мифологемой, к которой нужно было подвести казачество, «пробуждая» его, и полностью разделялся самим вольноказачьим движением. Идея возвращения утраченной казачьей независимости, в свою очередь, должна была стать основной национальной идеи, которую казакам необходимо было объяснить и привить, и которая непрестанно возникала на страницах издания.

Через эти мысли раскрывалось и главное, на наш взгляд, русло «пробуждения казачества» – это конструирование казачьей национальной истории. Именно исторический, а не сугубо политический аспект проблемы стал центральным в деятельности движения, направленной на это «пробуждение». Отчасти это можно объяснить личными интересами как минимум двух чрезвычайно важных фигур внутри него – И.Ф. Быкадорова и Т.М. Старикова, еще до начала Первой мировой войны активно интересовавшихся вопросами казачьей истории и пробовавших себя в работе над историческими исследованиями, которые были продолжены и в эмиграции. Значимость этих двух лиц для вольноказачьего движения заключается не только в их творческой плодотворности или личном авторитете среди соратников за свои военные достижения (первый в 1920 г. встретил эвакуацию в чине генерал-майора, второй – генерал-лейтенанта), но и в их положении внутри движения – они оба активно участвовали в создании движения и организации издания журнала, занимали во внутренней организации ответственные позиции со стороны донской и кубанской фракций соответственно. Влияние позиций И.Ф. Быкадорова и Т.М. Старикова прослеживается и в повестке самого журнала – тек-

⁷ Неизбежное столкновение // Вольное казачество – Вільне козацтво. 1930. № 61–62. С. 9.

⁸ *Быкадоров И.Ф. История казачеств. Кн. 1: Происхождение казачества. Возникновение республик Вольного казачества – Донского, Волжского, Яицкого и Терского войск. Основные черты их бытия в период государственной независимости (1549–1671 г.).* Прага: Библиотека Вольного казачества – Вільного козацтва, 1930. 177 с.

сты за их авторством публиковались почти в каждом выпуске журнала в годы их активной работы в издании, включая не только публицистические, но и исторические материалы, в т. ч. посмертно – так, масштабный цикл статей под заглавием «Трагедия казачества», посвященный событиям Гражданской войны, написанный скончавшимся в 1934 г. Т.М. Стариковым в соавторстве с генералом В.И. Сидориным, был полностью опубликован в «Вольном казачестве» в 1936–1938 гг. Благодаря этому, помимо непосредственно авторских работ, слова о необходимости исторического просвещения в вольноказачьем стиле печатались и на страницах издания, отражавшего официальную позицию движения. Неслучайно Быкадоров писал, рассуждая о судьбе казачества, о том, что

...возрождение каждого народа начиналось, или было тесно связано с изучением истории этого народа самим этим народом... <...> ...Естественен вопрос: выживет ли Казачество, выживет ли казачий народный организм? И история дает нам ответ: выживет, и возродиться может и расцвести при известных условиях⁹.

Таким образом, цель борьбы за «самостийное» казачье будущее уже не только зависела от непосредственно политической деятельности через собрания, призывы и агитацию, но и неизбежно ассоциировалась с задачей по осмыслению собственного прошлого и поиска в нем пути к своему будущему и сил для своего «пробуждения», пусть для этого «будителям» и пришлось отвергнуть почти все, что было написано до них, и попытаться написать такую историю сызнова уже в нужном им ключе. Их казачеству еще только предстояло осознать себя как нацию, и в этом ему должно было помочь это «пробуждение» через журнальные статьи и историческое творчество интеллектуалов-самостийников – что фактически явилось основным инструментом казачьего национального конструирования в эмиграции.

Литература

Бурда 2011 – Бурда Э.В. Казаки эмигранты первой волны 20–40-е годы: жизнь на чужбине. Часть 2 // Агенство политических новостей. 2011. URL: <https://www.apn.ru/publications/article25211.htm> (дата обращения: 21.03.2025).

⁹ *Быкадоров И.Ф.* Речь // Вольное казачество – Вільне козацтво. 1929. № 50. С. 11.

- Гаврилов 2013 – *Гаврилов А.Н.* Казачий союз – самая массовая общественно-политическая организация казачьей эмиграции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 1 (173). С. 38–44.
- Кислицын, Кучинский 2021 – *Кислицын С.А., Кучинский С.В.* Несостоявшиеся проекты идеологии казачьего национализма в первой половине XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. № 2. С. 99–111.
- Маркедонов 2001 – *Маркедонов С.М.* От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения») // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 528–558.

Военная история

УДК
ББК

Т.В. Картавых

Влияние опыта польской кампании вермахта на советскую военную стратегию на примере работы Г.С. Иссерсона «Новые формы борьбы»

Статья посвящена изменениям в советской военной теории под влиянием блицкрига в Польше в 1939 г. Советская военная наука в 1920–1930-е гг. пристально следила за военными конфликтами в Европе. Вторжение Третьего рейха в Польшу не было неожиданностью, тем не менее новые стратегические и оперативные приемы, использованные немецким командованием, привлекали внимание советских военных теоретиков. По сути, на проверку выносились положения, которые были выработаны в РККА на за 20 лет. Показательным является анализ Сентябрьской кампании Г.С. Иссерсоном – одним из видных советских военных теоретиков. Ключевым фактором, рассматриваемым в статье, является вопрос о встраивании идей, изложенных в работе «Новые формы борьбы», в общую канву советской военной теории.

Ключевые слова: Красная армия, СССР, Третий рейх, Вторая мировая война, Гухачевский, Иссерсон, Триандафиллов

Военная теория в межвоенный период претерпела значительные изменения. Советская военная мысль претендовала на звание одной из «самых передовых», соревнуясь с англичанами, французами, немцами, итальянцами и американцами [Кокошин 1995, с. 192]. Вопросы развития советской военной теории и подготовки к будущей войне являются ключевыми для понимания как внутренней и внешней политики СССР, так и событий Великой Отечественной войны. Это обусловило интерес, который проявляли к данной проблеме историки, как в первые годы после окончания Гражданской войны, так и спустя десятилетия.

В работах советских исследователей состояние военной мысли в 1920–1930-х гг. оценивалось в целом положительно. В период «оттепели» отдельные промахи объяснялись пагубным влиянием стали-

низма [Соколовский 1962, с. 172]. Однако уже в 1970-е гг. акцент сместился в сторону освещения успехов советской военной науки [Деборин 1974, с. 182]. Например, в работах П.А. Ротмистрова отмечалась стройность предвоенной советской теории ведения наступательных операций [Ротмистров 1965; Ротмистров 1972]. Еще больших похвал удостоилось танкостроение. Развитие стратегии, оперативного искусства и тактики рассматривалось как один из элементов подготовки к будущему мировому конфликту. События второй половины 1980-х – 1990-х гг.: перестройка, последовавшая за ней политика гласности, а затем и распад Советского Союза привнесли изменения в общепринятые оценки. Куда большее внимание исследователи начали уделять критике советской военной теории, стратегическим ошибкам и просчетам. В частности, одним из ключевых факторов развития стратегии РККА являлась ставка на наступление. А.А. Кокошин указывал на недооценку эффективности оборонительных операций многими советскими военными теоретиками.

В современной историографии присутствуют различные оценки развития советской военной мысли в период 1920–1930-х гг. С.Г. Осьмачко подчеркивает несовершенство стратегического, научно-технического и практического уровня предвоенного оборонного строительства. Он называет советскую предвоенную стратегическую концепцию по сути провальной [Осьмачко 2015, с. 313]. В то же время М.М. Минц отмечает, что прогнозы военно-политического руководства СССР относительно будущей войны оказались в целом верными, хотя и не всегда точными [Минц 2008, с. 103]. В целом в современной историографии принято считать развитие советской военной теории неравномерным. Советские концепции скоротечной наступательной войны и массированных танковых ударов оцениваются исследователями как одни из наиболее передовых, однако вопросам стратегической и оперативной обороны, с точки зрения современной историографии, было уделено недостаточно внимания.

В 1920-е гг. у советского военно-политического руководства не было единого мнения относительно стратегии действий в будущей войне. Жаркие дискуссии разгорелись уже в самом начале 1920-х и продолжались до начала 1930-х. В споре о «военной доктрине» между М.В. Фрунзе и Л.Д. Троцким последний потерпел поражение. По сути, полемика велась относительно целеполагания в дальнейшем развитии РККА. М.В. Фрунзе выступал за необходимость развития наступательного потенциала Красной армии исходя из необходимости и неизбежности расширения границ диктатуры пролетариата в будущих революционных конфликтах¹. Л.Д. Троцкий, в свою очередь, на-

¹ Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная армия // Красная Новь. 1921. № 1. С. 94–106.

стаивал на приоритете насущных задач, таких как улучшение жизни солдат и усиление уровня подготовки командиров. От грандиозных планов следовало отказаться и занять оборонительную позицию как наиболее реальную из доступных. После потери Л.Д. Троцким влияния в армии и партии, а также после смерти М.В. Фрунзе дискуссии не прекратились. Вопрос об обороне и наступлении в будущей войне стоял все так же остро. Позицию «оборончества» заняли А.А. Свечин – генерал-майор Русской императорской армии, перешедший в 1918 г. на сторону большевиков, и А.И. Верховский – Военный министр Временного правительства, генерал-майор, также перешедший на сторону большевиков. Наиболее ярким и известным сторонником наступления был М.Н. Тухачевский. А.А. Свечин придерживался идей Х. Дельбрюка о стратегии «измора» и «сокрушения»². С его точки зрения, для СССР ввиду его экономического отставания от капиталистических стран необходимо было занять оборонительную позицию, используя огромную территорию для заманивания сил противника вглубь страны с последующими контрударами и окружениями. А.А. Свечин считал идею сокрушительного удара практически нереализуемой в современных условиях. Глобальный успех должен достигаться операциями с ограниченными целями. М.Н. Тухачевский отрицал правомерность терминов «измор» и «сокрушение», следуя в русле идей К. Клаузевица. Он считал, что будущая война будет войной на уничтожение, и добиться поставленных задач возможно будет лишь глобальными наступательными операциями. Находясь в кольце враждебно настроенных государств, СССР не мог выдержать войну на истощение. М.Н. Тухачевский считал, что одержать победу против коалиции буржуазных государств возможно лишь уничтожая противников поодиночке, не давая им соединить силы и скоординировать действия³.

Как и в случае с обсуждениями «военной доктрины», военнополитическое руководство не собиралось допускать сосуществование двух противоположных взглядов. Победителями в дискуссии оказались сторонники стратегии сокрушения. В 1930 г. М.Н. Тухачевский выступил на заседании военной секции Ленинградского отделения Коммунистической академии с докладом «О стратегических взглядах профессора Свечина». Главный вывод доклада – Свечин защищал капиталистический мир от наступления Красной армии. По итогам выступления была издана брошюра «Против реакционных теорий на военно-научном фронте (Критика стратегических и военно-научных взглядов профессора Свечина)». А вскоре Свечин и Верховский

² Свечин А.А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927. С. 39–43.

³ Тухачевский М.Н. Вопросы современной стратегии // Тухачевский М.Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 254–255.

были арестованы, но в середине 1930-х освобождены и вернулись к работе. Впрочем, работа эта была недолгой [Сайфетдинов 2018, с. 107]. 1930-е гг. были гораздо менее удачным временем для ведения дискуссий, чем 1920-е.

С разгромом школы Свечина, в котором принял деятельное участие М.Н. Тухачевский, ликвидируется оппозиционная точка зрения на развитие военного искусства. Между тем ускоренное строительство тяжелой индустрии позволило в короткие строки вывести РККА на один технический уровень с передовыми армиями мира. Ведущая роль отводилась самым современным видам вооружения: бронетехнике и авиации. Несмотря на затухание дискуссий по стратегическим вопросам, активно развивается оперативное искусство. Однозначным успехом советских военных теоретиков является теория «глубокой операции», разработка которой началась еще в 1920-е под влиянием опыта Первой мировой и гражданской войн [Абрамов 2018, с. 81]. Одним из разработчиков данной концепции, помимо М.Н. Тухачевского и В.К. Триандафиллова, был Г.С. Иссерсон. Он внес значительный вклад в оперативное искусство. Продуктивную работу Г.С. Иссерсона в Академии Генштаба отмечает в воспоминаниях С.М. Штеменко⁴. А.А. Кокошин высоко оценивает аналитическую работу Г.С. Иссерсона, отмечая, что его оценка итогов польской кампании и прогнозирование будущей войны оказались невероятно точны [Кокошин 1995, с. 106]. В работе «Новые формы борьбы» подвергаются пересмотру определенные положения советской военной теории [Тенчурин и др. 2022, с. 66]. Так, теория «вползания» в войну оказалась несостоятельной. Как следствие, идея армий прикрытия и армий вторжения, целью которых было обеспечение успешной мобилизации и по возможности срыв мобилизации противника, также теряла смысл. Вермахт нанес удар по польской армии всеми силами, без ультиматумов, объявления войны и необходимости тратить время на мобилизацию. Таким образом, сценарий, по которому будет осуществлено в том числе и вторжение в СССР, был известен советской военной науке.

Однако работа Г.С. Иссерсона представляет интерес не только как прогноз будущей войны, принципиально отличавшийся от тех, что были сделаны в 1930-е гг., но и как закономерное развитие идей 1920–1930-х гг. Германский блицкриг в Польше рассматривался как подтверждение верности стратегических расчетов советского военно-политического руководства.

Важнейшим фактором, влиявшим на развитие военной мысли не только в СССР, но и за рубежом, в особенности в Германии, являлось стремление избежать позиционной войны. И если для стран-победи-

⁴ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М.: Воениздат, 1975. С. 7.

тельниц Первой мировой войны бои на истощение не были чем-то критичным благодаря превосходству в экономике, ресурсах и мобилизационном потенциале, то для Германии и Советского Союза было критически важным добиться военных целей до перехода столкновения в позиционную фазу. Наступательная концепция, разработанная М.Н. Тухачевским, была попыткой прорыва позиционного тупика. А.А. Свечин придерживался стратегии «измора» по причине невозможности реализации непрерывного наступления. Однако вторжение в Польшу, с точки зрения Г.С. Иссерсона, доказало возможность координированного глубокого удара с помощью подвижных соединений. Грамотное использование немецким командованием бронетехники и авиации позволило разгромить польские вооруженные силы в первые дни войны. Г.С. Иссерсон писал:

Стратегия сокрушения получила новые предпосылки для своего наиболее решительного осуществления.

Значение германо-польской войны заключается в том, что она это показала.

Стратегия сокрушения была всегда высшим проявлением военного искусства во все времена⁵.

Это представляется крайне важными, с точки зрения понимания советской военной мысли.

Анализируя бои в Испании 1936–1939 гг., Г.С. Иссерсон приходил к выводу, что позиционный характер войны является следствием специфики театра боевых действий. Малое количество средств прорыва обороны – танков и авиации, а также низкий уровень подготовки военнослужащих обусловили невозможность осуществления глубоких прорывов. Роль танков сводилась только к усилению пехоты, что не могло внести в природу боя ничего качественно нового. Маневренный характер войны 1936 г. быстро сменился позиционным. Он не упоминает имя А.А. Свечина, однако напрямую пишет, что Гражданская война в Испании приняла характер войны на истощение (или на «измор»). Тем не менее испанский сценарий Г.С. Иссерсон не считал показательным, на его взгляд применение новых средств вооруженной борьбы значительно изменит стратегию и тактику боя⁶.

Во время вторжения в Польшу армия Третьего рейха имела все необходимые для глубокой операции силы. Это позволило реализовать непрерывное наступление. Однако Г.С. Иссерсон был осторожен в своих выводах. На ход операции оказало значительное влияние превосходство вермахта по всем ключевым показателям. По данным

⁵ Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. М.: Воениздат, 1940. С. 72–73.

⁶ Там же. С. 25–26.

Г.С. Иссерсона, по живой силе – 4 : 3, по танкам – 6 : 1, по авиации – 2,5 : 1⁷. На оперативном уровне немецкой армии удалось благодаря фактору внезапности и налаженному взаимодействию подвижных частей и авиации реализовать «систему Канн» (окружений) ударами по сходящимся направлениям. Это позволило уничтожить силы противника по частям на всей глубине столкновения, которая, как отмечает Г.С. Иссерсон, значительно выросла, и к концу кампании превосходила ширину фронта. Тем не менее вопрос о возможности реализации глубокого прорыва против равного по силе соперника на момент осени 1939 г. оставался открытым.

Определенные положения, высказанные Г.С. Иссерсоном, были подвергнуты критике. Генерал-лейтенант Е.А. Шиловский назвал отказ от идеи армии вторжения необоснованным. Кроме того, уже с опорой на опыт боев во Франции он указывал на целесообразность нанесения ударов не только по сходящимся, но и по расходящимся направлениям⁸. Тем не менее труд Г.С. Иссерсона оказался востребованным в среде военного руководства.

Самому Г.С. Иссерсону не довелось принять участие в боях Великой Отечественной войны. Он был арестован летом 1941 г. и приговорен к расстрелу. Впоследствии Военная коллегия Верховного суда СССР заменила ему высшую меру наказания десятью годами лагерей [Кривопапов 2020, с. 40].

Таким образом, идеи Г.С. Иссерсона не выходят за рамки направления, в котором двигалось развитие советской военной теории. Идея сокрушительного наступления и глубокой операции, развивавшаяся на протяжении 1920–1930-х гг., получила практическое подтверждение. В польской кампании вермахта Г.С. Иссерсон увидел применение тех форм борьбы, на которые советское руководство сделало ставку. К началу Второй мировой войны положения теории глубокой операции были внесены в полевой устав. Безусловно, значимым достижением Г.С. Иссерсона был оперативный анализ событий 1939 г. В историографии справедливо указывают на то, что именно он обозначил ключевое значение фактора внезапности на начальном этапе войны [Тенчурин и др. 2022, с. 66]. Однако на стратегическом уровне разгром польской армии вермахтом мало что изменил. Разгром Польши, с учетом превосходства армии Третьего рейха, был вполне ожидаемым. Баланс сил в Европе не подвергся критическим изменениям. Исходя из этого, значение польской кампании заключается в подтверждении верности и жизнеспособности стратегических и оперативных наработок советской науки.

⁷ Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы... С. 38–39.

⁸ Шиловский Е.А. Некоторые выводы из опыта современных войн // Красная звезда. 1940. № 278.

В конце 1939 г. СССР оказался в выгодном стратегическом положении. Договор с Третьим рейхом позволил на время обезопасить западные границы, расстроить японские планы вторжения в Советский Союз при поддержке Германии, вернуть часть территорий, утраченных в 1918–1920 гг. Разворот агрессии Гитлера на запад дал СССР передышку, которую он использовал для наращивания обороноспособности. Кардинальное изменение в стратегическом раскладе произойдет во время французской кампании, когда менее чем за 2 месяца вермахт разгромит и оккупирует Францию, страну, считавшуюся главной европейской сухопутной силой. Эти перемены до начала войны с Германией советская военная теория не успевает осмыслить в полной мере.

Литература

- Абрамов 2018 – *Абрамов Е.П.* Создание теории глубокой операции – выдающееся достижение военного искусства // Актуальные вопросы изучения истории формирования и развития РККА и РККФ: Материалы международной научной конференции. Часть 1. СПб., 2018. С. 79–81.
- Деборин 1974 – История Второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. Т. 2. Накануне войны / Под ред. Г.А. Деборина. М.: Воениздат, 1974. 479 с.
- Кокошин 1995 – *Кокошин А.А.* Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль: 1918–1991 годы. М.: Междунар. отношения, 1995. 285 с.
- Кривопапов 2020 – *Кривопапов А.А.* Полковник Г.С. Иссерсон и его записка «о причинах и закономерностях военных событий июня 1941 года» // Российская история. 2020. № 3. С. 36–47.
- Минц 2008 – *Минц М.М.* «Если завтра война». Представления военно-политического руководства СССР о политическом характере будущей войны (конец 1920-х – 1941 г.) // Клио. 2008. № 1 (40). С. 99–105.
- Осьмачко 2015 – *Осьмачко С.Г.* Культура военной мысли в СССР (1920–1930-е гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 306–314.
- Ротмистров 1965 – *Ротмистров П.А.* История военного искусства: В 2 т. / Под общ. ред. П.А. Ротмистрова. М.: Воениздат, 1963. Т. 1. 1963. 526 с.
- Ротмистров 1972 – *Ротмистров П.А.* Время и танки. М.: Воениздат, 1972. 336 с.
- Сайфетдинов 2018 – *Сайфетдинов Х.И.* Александр Андреевич Свечин – выдающийся военный мыслитель начала XX века // Военная мысль. 2018. № 8. С. 101–109.
- Соколовский 1962 – *Соколовский В.Д.* Военная стратегия / Под ред. маршала Советского Союза В.Д. Соколовского. М.: Воениздат, 1962. 460 с.
- Тенчурин и др. 2022 – *Тенчурин А.Ю., Погодаев Д.В., Огородников В.С.* Взгляды советских военных специалистов на начальный период войны в 1920–1930-е гг. // 80 лет с начала Великой Отечественной войны: историческая правда, уроки, взгляды современников: Материалы Междунар. науч.-ист. конф. Гомель, 2022. С. 60–68.

Издательский портфель

УДК
ББК

А.П. Николаева

Восприятие кубинской революции 1933 г. в репрезентациях североамериканцев

Статья посвящена анализу воспоминаний о кубинской революции 1933 г. жителями США и тому, как ее события трактовались в североамериканском обществе. В работе используются источники различного происхождения: периодическая печать, делопроизводственные и нормативные документы, публицистика, воспоминания современников. Исследование проводится в рамках социокультурного подхода, акцентируя внимание не только на том, каким образом различались мнения североамериканцев о Кубинской революции 1933 г., но также и на механизмах конструирования революционных образов. В результате проведенного исследования выявляются два контрастных направления мысли, циркулирующих в среде североамериканских наблюдателей. США не вмешивались в революцию на Кубе, позволив кубинцам самостоятельно решить внутренний конфликт. Журналисты из США с самого начала заняли активную позицию в отношении Кубы и, имея доступ к немногочисленным источникам информации о революции, в зависимости от редакторской позиции издания по-разному интерпретировали происходящие на Кубе события, косвенно связывая в своих статьях переворот Батисты и политику США на Кубе, таким образом или критикуя, или восхваляя действия североамериканского политического истеблишмента.

Ключевые слова: американо-кубинские отношения, Батиста, кубинская революция 1933 г., Карлтон Билз, американский империализм, национально-освободительные движения

Введение

Кубинская революция 1933 г. стала одним из наиболее важных и противоречивых событий, произошедших в западном полушарии в первой половине XX в., во многом повлияв на будущее кубинско-американских отношений.

Однако несмотря на то что официальная точка зрения правительства США на кубинскую революцию хорошо известна, мнения более широкого круга американцев до сих пор остаются не столь изученными. Так, среди немногих примеров трудов, посвященных данной проблематике в американской историографии, можно выделить работу историка в области Латинской Америки Фрэнка Арготе-Фрейра «Фульхенсио Батиста: становление от революционера к диктатору» [Argote-Freyre 2006, pp. 26–43], а также монографии Кристин Сквиот «Назначение рая: американский туризм и империя на Кубе и в Гавайях» [Skwiot 2011, p. 136] и Розалии Шварц «Остров удовольствий: туризм и искушение на Кубе» [Schwartz 1997, p. 122]. В них подробно рассматривается не только сама революция на Кубе, но и реакция жителей США на нее.

Данная работа призвана рассмотреть более обширный круг источников, анализ которых позволит уточнить представление о том, как воспринимали североамериканцы события, разворачивающиеся на Кубе накануне 1933 г. и непосредственно в течение революции. Особо пристальное внимание уделяется материалам СМИ, которые позволили рассмотреть изучаемую проблему с разной редакторской позицией привлекаемых изданий и их партийных симпатий. Так, “New York Times” скорее склонялась к поддержке демократической партии, из-за чего в рассматриваемый период статьи в ней в зависимости от той администрации в США, которая находилась в конкретный период времени у власти, имели различные позиции. “Newsweek” и “Time” также несколько меняли свои позиции в зависимости от того, кто был действующим президентом США.

Статья структурирована в соответствии с проблемами, изучаемыми в каждой ее части. Каждый параграф рассматривает тот или иной эпизод революции в репрезентации отдельной группы североамериканцев – рассматривается точка зрения американской элиты, правительства США и интеллектуальных кругов – публицистов и литераторов, а также отдельно выделяется реакция на итоги революции.

Истоки революции

Выход из-под испанской колониальной зависимости в результате окончания американо-испанской войны в 1898 г. подарил Кубе надежду на беспрепятственное развитие, будучи независимой страной [Titherington 1900, p. 389]. Однако поправка Платта, принятая Конгрессом США в 1901 г., отняла эту надежду, фактически ознаменовав вхождение Кубы в орбиту интересов США. С этого момента начинается постепенная американизация острова и обретение США фактической монополии над сахарной промышленностью и политической властью.

Тяжелое экономическое положение Кубы, вызванное падением цен на сахар вследствие Великой депрессии, нарастающее в обществе недовольство авторитарным режимом Херардо Мачадо, расправлявшегося со всеми противниками режима, привели к накалу социальных противоречий в обществе. По мере увеличения недовольства кубинцы стали выходить на протесты с лозунгами «Свергнуть Мачадо!» [Brown 2000, p. 38]. Кульминацией этого процесса стала революция 1933 г., во главе которой стал Фульхенсио Батиста.

Переворот во многом стал неожиданным событием для общественности в США и разделил мнения на тех, кто испытывал лишь любопытство к происходящему на острове, и на тех, кто «искренне желал Кубе благополучия»¹. Были и те, кто пытался извлечь выгоду из складывающейся революционной обстановки, вставая на сторону тех, кто обладал большей силой и влиянием в конкретный момент. Так или иначе, переворот Батисты вызвал мощный резонанс в США.

Анализ туристического потока на Кубу в 1920-х – начале 1930-х гг.

Среди североамериканских туристов в целом наблюдалась тенденция нарочитого игнорирования революционных брожений. Во многом это было вызвано нежеланием обращать внимание на недовольства кубинцев. По всему острову, включая Гавану, были выставлены многочисленные блокпосты, университеты были закрыты и находились под контролем военных, так что когда кубинцы выходили на протесты, то получали жесткий отпор со стороны правительственных сил [Argote-Freyre 2006, pp. 41–43].

При этом туристы из США в большинстве своем приезжали на Кубу, видя в ней прежде всего место с непрекращающимися развлечениями и полной безнаказанностью. Они намеренно избегали любых соприкосновений с местными трудностями, потому что не видели в этом необходимости, так как «алкоголь и проституция были так же доступны, как и всегда» [Beals 1933, pp. 36–37]. Режим Мачадо полностью соответствовал интересам США, где Кубу рассматривали исключительно как «игровую площадку для богатых» [Moruzzi 2008, p. 39].

Несмотря на то что туристы из США практически никак не реагировали на надвигающуюся революцию, все же она оказывала влияние на туризм. Правительство старалось создавать иллюзию спокойствия на Кубе, но некоторые события все же не могли остаться незамеченными. Так, например, большая часть острова стала недоступна для проезда. Летом 1931 г. многие туристы заявляли о том, что при попыт-

¹ The New Republic. 1933. June 2. P. 139.

ке выехать приблизительно на пять миль от Гаваны автомобиль останавливали военные и приказывали развернуться. Кроме того, осенью 1931 г. многие туристы испытывали сложности с тем, чтобы покинуть Кубу в связи с военным положением на острове, хотя кубинское правительство отрицало этот факт. Все эти события косвенно влияли на впечатления туристов из США от пребывания на острове, из-за чего постепенно туристический поток снижался. Однако в связи с отсутствием достоверной информации о политической ситуации на Кубе, снижение было незначительным, и, следовательно, элита североамериканского общества, которая ежегодно десятками тысяч приезжала на Кубу, продолжала выражать поддержку проамериканской политике Мачадо [Schwartz 1997, p. 122].

Незадолго до свержения Мачадо, в 1932 г., был введен новый закон, вызвавший волну недовольства среди посетителей острова. Согласно ему, все иностранцы, находящиеся на территории Кубы, должны были зарегистрироваться в Министерстве внутренних дел в течение шестидесяти дней с момента принятия указа президентом. Данная процедура сопровождалась большим количеством бюрократических неудобств, что «стало еще одним ударом по туристическому бизнесу на Кубе»².

Введение все большего числа ограничений и штрафов немедленно отразилось на количестве туристов, прибывающих на остров. В разгар зимнего сезона 1932–1933 гг. «сотрудников отелей было больше, чем посетителей» [Beals 1933, p. 310]. Самые известные и крупные отели Гаваны, такие как “Seville-Biltmore” и “Inglaterra”, разорялись, улицы города, еще недавно поражавшие туристов своей красотой, теперь находились в запустении и те места, где раньше гуляли состоятельные американские бизнесмены, теперь были заполнены бездомными. Журналист из США и путешественник Винсент Дэйн писал о том, что еще в конце 1920-х гг. Прадо был одним из наиболее оживленных бульваров Гаваны, и он лично «любил гулять по нему»³, но теперь он практически не посещался туристами, особенно в ночное время из-за опасности попасться подконтрольным Мачадо вооруженным группировкам, носившим название «Porra», т. е. «дубина».

Отношение кубинцев к США также постепенно менялось, что получило свое отражение в восприятии революции среди граждан США. В начале 1930-х гг. кубинцы старались избегать любых контактов с иностранцами. Исключение составляли работники сферы обслуживания в силу необходимости продолжать свою коммерческую деятельность. В официальных путеводителях, призванных привлечь туристов на Кубу и скрыть реальное положение дел, подобное отноше-

² Foreigners in Cuba to be registered // *New York Times*. 1932. April 20. P. 10.

³ *Dane V. Havana: 1933* // *The New Republic*. 1933. June 14.

ние объяснялось культурными различиями и тем, что кубинцы до сих пор относятся к североамериканцам как к «варварам, единственным достоинством которых является неограниченное количество денежных средств» [Verill 1931, p. IX]. Однако стоит отметить, что еще в середине 1920-х гг. практически во всех путеводителях подчеркивались открытость и дружелюбие кубинцев по отношению к туристам из США. Журналист левых взглядов Карлтон Билз дает иную трактовку причины подобного отношения жителей острова к иностранцам, связывая его со «страхом как-либо ассоциироваться с американцем или любым другим иностранцем» [Beals 1933, p. 37]. Страх был вызван тем, что на Кубе в начале 1930-х гг. появилось множество радикальных оппозиционных группировок, которые связывали коррумпированный режим Мачадо с проявлением североамериканского империализма, и вседозволенность туристов из США была одним из его проявлений, поэтому из страха ассоциироваться с ним кубинцы избегали любых контактов с приезжими иностранцами.

Начало революции в североамериканском общественно-политическом дискурсе

Прежде чем революция перешла в активную фазу в 1933 г., на Кубе в течение нескольких лет формировались очаги недовольства, периодически переходившие в активное противостояние в виде протестов и забастовок. Внутренняя дестабилизация на Кубе не могла оставаться незамеченной американцами.

Говоря об официальной позиции США, в поле зрения в первую очередь попадают правительственные постановления, а также газетные статьи, написанные официозными журналистами. Схожее мнение было выражено и в многочисленных путеводителях, призванных любой ценой завлечь богатого туриста из США на Кубу.

Правительство США практически до последнего оставалось на стороне проамериканского кубинского президента Херардо Мачадо, поставляя оружие для защиты существующего режима. Посол США на Кубе Самнер Уэллес предпринимал попытки урегулировать революционную проблему таким образом, чтобы Мачадо сохранил свой пост.

Однако среди североамериканских официальных кругов не было единства в отношении революционных событий. Так, например, из отчета о военной промышленности 1934 г. следует, что многие оружейные заводы хотя формально и торговали только с одобрения Госдепартамента США, на деле втайне продавали оружие и революционерам, поддерживая различные оппозиционные группировки. Кроме того, торговля оружием с кубинским правительством была не-

разрывно связана с коррупцией. Каждая сделка частных компаний из США сопровождалась денежной комиссией, которую получал кубинский чиновник за предоставление информации о ценах, предложенных официальным правительством, после чего американцы занижали цены, чтобы поставлять свое вооружение.

Позиция правительства США отражалась в СМИ, что, в свою очередь, влияло на восприятие североамериканцами происходящих на Кубе событий. Например, согласно продемократической “New York Times”, в течение зимнего туристического сезона 1930–1931 гг. Кубу посетило 130 тыс. человек, что являлось достаточно высоким показателем, несмотря на то что относительно сезона 1929–1930 гг. это число несколько снизилось. В той же статье заявляется, что «порядок в Гаване окончательно восстановлен», что на деле не соответствовало правде, так как протесты все более усиливались. Таким образом, туристы из США продолжали приезжать на Кубу, имея смутное представление об истинном состоянии острова. Неосведомленность газет США была отчасти вызвана жесткой цензурой со стороны кубинского правительства. Как тогда писали, «только о небольшом количестве инцидентов писали в американских газетах, в основном писали о событиях, произошедших в Гаване» [Beals 1933, p. 294].

Другой взгляд на ситуацию представлял упоминавшийся выше Карлтон Билз, который в начале 1930-х гг. провел расследование политической обстановки на Кубе. В своем труде «Преступление Кубы» он подробно описывал развитие революционного брожения в кубинском обществе [Britton 1987, p. 103]. Данная работа, а также книга «Правление оружия» являются одними из немногих источников о революции 1933 г. и о предшествующих ей годах, которые были созданы не зависимым от кубинского правительства автором. Работы Билза продвигали в североамериканском обществе идею непринятия кубинского президента Херардо Мачадо. Хотя его наиболее радикальная работа «Преступление Кубы» не оказала значительного влияния на свержение режима Мачадо, так как вышла уже после его отставки, статьи в журнале “Common Sense” довольно сильно повлияли на ухудшение отношения к кубинскому президенту.

Одна из его наиболее скандальных публикаций была выпущена в конце 1932 г. и также носила название «Преступление Кубы». В ней Билз не только резко раскритиковал правительство Мачадо, но и описал ряд его серьезных преступлений, среди которых были пытки, массовые убийства и расправа с заключенными посредством их съедения акулами, из-за чего впоследствии Мачадо получит прозвище «кормилец акул». Статья подверглась резкой критике в политических кругах Кубы, и, как заявляла “New York Times”, кубинская полиция конфисковала 126 копий этого журнала, а также арестовала его дистрибьютера на Кубе. В книге Билз продолжал писать о том, что в период с 1931

по 1933 г. не прекращались убийства представителей оппозиции по заказу президента Мачадо, а также теракты, университетские забастовки, заканчивающиеся расстрелами, и многое другое.

Помимо Билза, были и другие жители США левых взглядов, которые стремились восстановить справедливое, по их мнению, отношение к Кубе, как, например, сценарист и драматург Клиффорд Одетс или лидер коммунистической партии США Мэннинг Джонсон. Хотя они и значительно различались по роду деятельности, но были объединены симпатиями к социалистам. Они разделяли мнение Билза о жестоком и несправедливом режиме Мачадо, а также о необходимости отменить поправку Платта. Для лоббирования этого был создан «Объединенный Комитет по Кубе», где при кооперации с кубинцами разрабатывались программа по отмене поправки Платта, а также возможность проведения расследования под эгидой Конгресса о приобретении банками США фактического контроля над Кубой.

Трансформация образа Кубы в середине 1933 г.

Позиция правительства США начала меняться только летом 1933 г., когда стало очевидно, что Мачадо не сможет удержать свою власть. Интересы правительства и его окружения были исключительно прагматичны. Позиция коммерческой элиты была более гибкой и корыстной – она внимательно следила за ситуацией на Кубе, чтобы в нужный момент оказать поддержку наиболее влиятельной стороне. Конфликт на Кубе особенно приковывал внимание общественности в США еще и тем, что это было «первое серьезное испытание намерений администрации Рузвельта в отношении Латинской Америки» – на тот момент Рузвельт только пришел к власти, и революция стала возможностью на практике продемонстрировать реализацию США политики добрососедства⁴.

Непрекращающиеся беспорядки на всей территории Кубы, включая Гавану, тяжелый экономический кризис, вызванный резким снижением цен на сахар и Великой депрессией, неизбежно оказывали все большее влияние на отношение североамериканцев к Кубе и существовавшему режиму власти [Brown 2000, p. 18]. Проблемы Кубы описывались в таких авторитетных изданиях, как “New York Times” и “The New Republic”, однако наибольшую огласку события 1933 г. продолжали получать благодаря работам Карлтона Билза, который не только публиковался в различных изданиях левого толка, но также цитировался в широко тиражируемых изданиях – “New York Times”, “The Nation”, “Time”. Это все больше влияло на ухудшение отношения жителей США к режиму Мачадо.

⁴ The New Republic. 1933. June 28. P. 166.

Пик революции пришелся на август 1933 г., когда стало очевидно, что военный переворот неизбежен. В это время улицы Кубы стали полем боя, на котором правительственные войска пытались сдерживать толпы революционеров. К тому моменту на острове практически не осталось туристов из США, однако те, кто все еще находился на Кубе, не смогли избежать влияния революции. Мачадо осознавал, что его положение было безысходным, и он не сможет удержать власть. Поэтому в августе 1933 г. он объявил военное положение на Кубе, из-за чего подконтрольная ему армия начала проводить массовые аресты и убийства, в том числе и иностранных граждан. В попытке США взять на себя роль медиатора в урегулировании конфликта между правительством и оппозицией он видел «империалистическое предприятие»⁵. Большая часть граждан США по указанию посла Самнера Уэллеса были направлены в убежище, организованное в отеле “Nacional” [Skwiot 2011, p. 136].

В статье “New York Times” приводятся свидетельства туристов из США, находившихся в Гаване в разгар революции. Во время круиза лайнер остановился у побережья острова на сутки. Туристы, сошедшие на берег, обустроились в отеле “Nacional”, который уже был полностью покинут персоналом в связи с забастовками. Для этих туристов революция, разворачивающаяся на Кубе, была не более чем еще одной достопримечательностью. Некоторые намеренно ехали в центр Гаваны, чтобы посмотреть на установленные в городе пулеметы и на оставшиеся следы боев. Один из американцев разочарованно заявлял: «Я ожидал увидеть стрельбу и некоторое волнение... но ничего не произошло»⁶.

Однако были и те, кому не повезло оказаться в эпицентре событий. Среди этих людей был американский писатель Эрнест Хемингуэй, который находился на Кубе в начале августа 1933 г. вместе с семьей и друзьями. При попытке уехать он и его близкие попали в перестрелку между правительственной армией и оппозиционной группировкой, и его жена – Паулина Пфайфер – была ранена. Хемингуэй, как и многие свидетели революции, обвинял в сложившейся ситуации Херардо Мачадо и его политику. Он писал: «Я искренне надеюсь, что они избавятся от этого тирана»⁷.

Схожее мнение разделяли в основном кубинцы и лишь небольшая часть североамериканцев, которые лично стали свидетелями кровавых событий 1933 г.

⁵ Hinton H.B. Welles: our man of the hour on Cuba // New York Times. 1933. August 20. P. 3.

⁶ Tourists escaped bullets in Havana // New York Times. 1933. August 15. P. 10.

⁷ Цит. по: Feldman A. Ernesto: The untold story of Hemingway in revolutionary Cuba. Melville House, 2019. P. 63.

Реакция на приход новых политических сил

При рассмотрении реакции североамериканцев на свержение Мачадо и приход к власти Мендьеты под покровительством Батисты были изучены статьи из различных периодических изданий США, таких как “New York Times”, “Newsweek”, “Time”. Также было важно учитывать и официальные источники, как, например, отчет американской комиссии по кубинским делам, в целях сравнения официальной реакции и того мнения, которое существовало в обществе.

После политической нестабильности в верхних эшелонах власти президентом Кубы был назначен Карлос Мендьета, исполнявший свои обязанности с 1934 по 1935 г. Однако Мендьета не имел большого политического влияния и его не воспринимали всерьез. Как тогда писали, «в Гаване Мендьету называют “MGM Lion”, потому что, как и на логотипе кинокомпании, он рычит и никогда не кусает»⁸. Наиболее влиятельной фигурой в правительстве был Фульхенсио Батиста, занимающий должность военного министра [Argote-Freyre 2006, p. 24]. При нем большую роль также играл посол США Джефферсон Кэффери. Из-за их непрерывной совместной деятельности и влияния на политику Кубы местные жители прозвали их «сиамскими близнецами».

В 1934 г. была собрана комиссия, состоящая из одиннадцати североамериканцев, которые должны были исследовать состояние страны после революции. Формально это была независимая делегация, однако она прибыла на Кубу по приглашению Мендьеты, что отразилось на содержании ее доклада. В тексте обозначалась резкая критика режима Мачадо, а также выражалась уверенность в том, что проведение выборов в декабре 1934 г. и ряд социальных, экономических и политических реформ восстановят порядок на Кубе. В дальнейшем отчет распространялся в США при поддержке североамериканского правительства. Его содержание было похоже на то, что заявляли официальные политические лица США в отношении правительства Батисты. На данный отчет во многом повлиял Джефферсон Кэффери. Как писал Карлтон Билз, «Кэффери, а следовательно, и американское посольство, руководят чем-то вроде бюро пропаганды кубинского правительства» [Beals 1935, pp. 1–22].

По мнению Билза, с приходом к власти Батисты жизнь на Кубе стала намного более тяжелой в связи с тем, что вместо решения экономических проблем, вызванных затянувшимся кризисом падения цен на сахар, Батиста усилил военный контроль. В стране фактически сформировалась военная диктатура. Кэффери уделял особое внимание тому, чтобы информация о бедственном положении на острове не попала

⁸ Newsweek. 1935. P. 16.

в периодику США, и все же некоторые факты неизбежно просачивались в газеты. Кубинцы ненавидели американского посла из-за того, что, по их мнению, без Кэффери режим Батисты не смог бы просуществовать долго. Таким образом, Куба вновь оказалась в зависимости от США, только теперь это состояние не было закреплено в документе, как было в случае с поправкой Платта, которая была отменена в 1934 г.

Неудовлетворенность населения правительством непрерывно росла, как и разочарование в революции. Это попадало в прессу в США, что создавало негативный образ нового кубинского правительства у североамериканцев. Появлялись заявления о том, что «правительство было более жестокое и империалистическое, чем тирания Херардо Мачадо»⁹. Такое заявление было сделано в газете “Time”, чьи взгляды были скорее республиканские. Так, критикуя Батисту, издание косвенно выражало недовольство и политикой нынешней демократической администрации в отношении Кубы.

Таким образом, приход к власти Батисты интерпретировался в США по-разному. Предприниматели, вложившие деньги в развитие Гаваны и ее туристического бизнеса, а также богатые туристы, привыкшие рассматривать остров как место безграничной свободы, приняли позицию игнорирования кризисных явлений. Администрация Рузвельта была склонна поддержать приход Батисты и его намерения совершить ряд реформ на Кубе – такая политика кубинского президента соответствовала прогрессистскому курсу и в самих США. В связи с этим ряд демократических СМИ также склонялся к позитивному освещению событий после августа 1933 г., при этом критикуя предыдущий режим Мачадо, который поддерживался республиканской партией.

Помимо этого, был сформирован и фронт оппозиционных политике США на Кубе СМИ и отдельных независимых журналистов. Радикальные публицисты, среди которых наиболее заметной фигурой был Карлтон Билз, критиковали как режим Мачадо, так и правление Батисты, постоянно апеллируя к США как к основной причине кризисной ситуации на Кубе, вне зависимости от того, кто стоял у власти. В разное время на их тексты ссылались мейнстримные издания. С приходом Батисты в 1933 г. газеты в США с республиканскими взглядами разделяли позицию леворадикальных журналистов и ссылались на их работы как на доказательство провальной политики США на Кубе. При этом и демократические СМИ также обращались к Билзу. В марте 1935 г. он взял интервью у Батисты для газеты “New York Times”, и характер статьи резко контрастирует с радикальными взглядами, изложенными им в книге, вышедшей в том же году, – «Правление оружия». В интервью практически нет комментариев самого Билза, зато заявления Батисты превалируют и выражают стойкую уверенность в скором построении демократии на Кубе и в ее процветании.

⁹ Baiter Baffled // Time. 1935. April 1. P. 23.

Литература

- Argote-Freyre 2006 – *Argote-Freyre F.* Fulgencio Batista: From Revolutionary to Strongman. Rutgers University Press, 2006. 388 p.
- Beals 1933 – *Beals C.* The crime of Cuba. Philadelphia & London: J.B. Lippincott Company, 1933. 514 p.
- Beals 1935 – *Beals C.* Rifle rule in Cuba. 1935. 31 p.
- Britton 1987 – *Britton J.A.* Carleton Beals: a radical journalist in Latin America. University of New Mexico Press, 1987. 309 p.
- Brown 2000 – *Brown J.C.* Workers' Control in Latin America, 1930–1979. University of North Carolina Press, 2000. 344 p.
- Moruzzi 2008 – *Moruzzi P.* Havana Before Castro: When Cuba Was a Tropical Playground. Gibbs Smith, 2008. 256 p.
- Schwartz 1997 – *Schwartz R.* Pleasure Island: Tourism and Temptation in Cuba. University of Nebraska Press, 1997. 239 p.
- Skwiot 2011 – *Skwiot C.* The purposes of paradise: US tourism and empire in Cuba and Hawai'i. University of Pennsylvania Press, 2011. 296 p.
- Titherington 1900 – *Titherington R.H.* A history of the Spanish-American War of 1898. D. Appleton, 1900. 415 p.
- Verrill 1931 – *Verrill H.A.* Cuba of today. Dodd, Mead, 1931. 302 p.

А.А. Осипенко

Анарх и Единственный:
сравнение философских типов
Э. Юнгера и М. Штирнера

Статья посвящена сравнению Гештальта Анарха Эрнста Юнгера и «предтечи постмодернизма» Единственного Макса Штирнера. Литературный анализ работ Э. Юнгера и М. Штирнера с акцентом на основные философские и морально-этические идеи, концепции автономности и свободы, а также подходы к восприятию государства и общества позволяют установить особенности мировоззрений Анарха и Единственного, выделить их общие и отличительные черты. По итогам исследования автором делается вывод, что, несмотря на кажущуюся схожесть проектов, Э. Юнгер и М. Штирнер, в лице Анарха и Единственного, приходят к двум фундаментально отличным друг от друга выводам, из которых Анарх оказывается более «зрелым» ответом на вопрос о сущности и задачах индивида в обстановке «смерти истории».

Ключевые слова: анархизм, дух, консерватизм, личность, свобода, творчество

Введение

Эрнст Юнгер – человек, который прожил долгую и полную событий жизнь. Орденосный офицер-фронтовик, раненый 14 раз, но доживший до преклонных 102 лет ровесник века. Вместе с тем человек высокой культуры и больших литературных дарований, чьи работы еще при жизни широко обсуждались. В своих романах, эссе, статьях и дневниковых заметках Юнгер, как непосредственный свидетель и участник исторических событий, фиксировал и старался осмыслить опыт обеих мировых войн, новых тоталитарных государств, беспрецедентного развития науки и техники с постепенным падением уровня духовной и нравственной культуры. Считая эти явления симптомами завершения эпохи модерна он, однако, избегал их рассмотрения в сугубо пессимистичном и реакционном ключе. Скорее напротив, Юнгер был убежден, что великие катастрофы и перемены – это декорации, на

протяжении всей человеческой истории с метафизической необходимостью приводимые трансцендентальным Бытием в движение при помощи Гештальтов.

Гештальты, «формы форм, которые «оповещают» реальность на манер аристотелевской энтелехии», – это «морфологическое единство, которое можно видеть за разнообразием исторической действительности, созидающая идея, которая придает этой действительности связность и смысл» [Merlio 1996, p. 35]. Гештальты, «как сила в своем действии или текст в буквах, из которых он состоит» [Бенуа 2017, с. 24], – это разгадывающиеся в явлениях загадки Бытия, понимание которых позволяет «связать множество наблюдений атомизированного мира в единое целое и тем самым сохранить его, спасти от распада и разложения» [Михайловский 2010, с. 62]. Позволяющие проводить комплексный анализ эпох с метафизического и онтологического ракурсов Гештальты произвели большое впечатление на многих современников Юнгера, в том числе и на известного мыслителя М. Хайдеггера, философия техники которого находилась под сильным влиянием Рабочего [Михайловский 2016, с. 389].

Всего Гештальтов четыре – это Солдат, ранее упомянутый Рабочий, Повстанец и Анарх. Хронологически они следуют друг за другом именно в этом порядке, при этом каждый последующий неразрывно связан с предыдущими, идейно из них вытекает, иногда дополняет, часто – полемизирует. В строгом смысле, именно Рабочий, «тот, кто открывает Труд как общий закон мира и посвящает самого себя целиком эффективности и производительности, включая и время досуга и отдыха» [Бенуа 2017, с. 30], может быть назван Гештальтом, т. е. характеризующем нашу современную эпоху целиком. Солдат, Повстанец и Анарх – это скорее Типы, более узкие матрицы нашего восприятия, занимающие по отношению к Гештальту такую же позицию, как семейство к царству. Однако именно Анарх, описанный Юнгером в своем последнем крупном романе «Эвмесвилль», наиболее приближен к границе царства Рабочего и так называемой стене времени, за которой начинается постисторическое пространство новой эпохи.

В данной статье мы бы хотели подробнее разобрать сущность, этические и телеологические особенности Анарха по двум основным взаимосвязанным причинам.

Во-первых, произведения Эрнста Юнгера, ставшего классиком европейской литературы еще при жизни, начали переводиться и издаваться на русском языке сравнительно недавно. При этом наибольшей популярностью среди читателей пользуются его ранние, «героические», романы и эссе, в которых Юнгер выступает апологетом активной трансформации мира при помощи техники и тоталитарной

организации общества. Более же созерцательный послевоенный этап творчества остается гораздо менее исследованным, хотя уже в 1950-х гг. Юнгер занимает критическую позицию по отношению ко многим высказанным в юности идеям. Описанный в «Эвмесвилле» Анарх, как кульминация многолетней эволюции мысли писателя, подчеркивает разницу между мировоззрениями раннего и позднего Юнгера, позволяя получить более целостную картину его творчества.

Во-вторых, в «Эвмесвилле» посредством Анарха Юнгер дополняет многие ранее затронутые им в таких эссе, как «Уход в лес», «Перед стеной времени» и «Через линию», актуальные темы, в числе которых: нигилизм, постмодернизм, развитие техники, экологические катастрофы, государственная политика, исторический процесс и т. д. Значительная часть романа также посвящена определению основ и границ личности в современном постисторическом мире и способам защиты и поддержания персонального суверенитета.

Сущность Анарха, часто описываемого Юнгером в символической и иносказательной форме, слабо поддается непосредственному определению. Для того чтобы это сделать, автор статьи считает необходимым прибегнуть к диалектическому сравнению Анарха с его ближайшим «родственником», предвосхитившим многие идеи нигилизма, экзистенциализма и постмодернизма [Goodway 2006, p. 99], – Единственным, изображенным Максом Штирнером в известной работе «Единственный и его собственность». Действительно, многие характерные Типу Анарха черты Юнгер открывает как в реальных исторических фигурах, вроде Марка Антония или Франциска Ассизского, так и в мифологических и художественных образах. Однако именно желающий основать свое дело только на себе Единственный послужил главным источником вдохновения для Анарха. Об этом пишет и сам Юнгер: «Стрела Штирнера на волосок отклонилась от точки, где я угадывал Анарха»¹.

Через установление характера взаимодействий Анарха и Единственного с внешним миром, т. е. с государством, обществом, моралью и жизнью в целом, параллели между обоими философскими типами и, что в данном случае важнее, их различия станут более явными. Тем самым мы установим границы, в которых телеологические задачи и этические особенности Анарха позволят нам сделать корректный вывод о его сущности, а также о том, является ли он всего лишь современным аналогом Единственного или же представляет собой независимую историческую сущность, способную отвечать на актуальные запросы эпохи.

¹ Юнгер Э. Эвмесвиль. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 440.

Анарх – последний из Гештальтов

Ранние работы Юнгера, проникнутые пафосом милитаризма, национализма и техницизма, были преимущественно посвящены становлению нового, героического Типа, который Юнгер видел в образах Фронтовика и Рабочего. «Обезличенные дети техники», именно от Фронтовика и Рабочего Юнгер ждал уничтожения старого буржуазно-либерального порядка, на обломках которого должен был появиться новый мир [Бенуа 2017, с. 29]. Однако с ростом тоталитарных настроений в обществе и приходом к власти в Германии национал-социалистической партии Юнгер постепенно разочаровывается в идеях об активном изменении мира. Начало Второй мировой войны еще больше усиливает разрыв Юнгера со взглядами юности и ознаменовывает переход к более созерцательному, удаленному от исторической динамики этапу творчества. Это заметно уже в новелле 1939 г. «На мраморных утесах», в которой Юнгер в завуалированно-символической форме критикует современные ему социальные и культурные порядки и тенденции, являющиеся выражением присущей его эпохе «воли к власти».

В противовес Гештальтам Рабочего и Фронтовика в своих послевоенных эссе 1950-х гг. Юнгер описывает третью важную фигуру современности – Лесного Странника, иначе – Повстанца. Повстанцем Юнгер показывает, что сопротивление тотальной социализации, мобилизации и нигилизму еще возможно. Осуществить это одиночка может через побег в Лес, то есть обращение к своей первоначальной свободе и вневременному бытию. Потенциально именно это позволит Повстанцу «сокрушить огромного, но неуклюжего колосса» и создать новые, позитивные ценности [Казаков 2008, с. 128].

Дальнейший рост экономического и социального благосостояния стран Запада не смог оживить традиционные ценности, а лишь усилил, по мнению Юнгера, всеобщую автоматизацию и отчужденность. По этой причине разочарованный как в активном созидании мира, так и в активном противодействии ему Юнгер более не хочет «дымить за явлениями» и занимает позицию отстраненного наблюдателя, Анарха, «воздерживающегося от того, чтобы встать на сторону какой-либо идеологии и особенно прибегнуть к какому-либо действию» [Кизель 2019, с. 155].

Впервые опубликованный в 1977 г. роман «Эвмесвилль», вероятно, одна из самых загадочных работ Юнгера, подчеркнул переход автора на метаисторическую и гностико-мифологическую позицию по отношению к миру, истории и обществу, а также осознание приближающегося конца эпохи модерна и становления постмодернизма [Гладилин 2011, с. 112–119]. В «Эвмесвилле» Юнгер рисует утопический город-государство, который

...особенно благоприятен для историка, поскольку живых ценностей там уже не осталось. Историческая субстанция израсходовала себя в страстях. В идеи никто уже не верит, и принесенные ради них жертвы кажутся чуждыми².

А также:

Здесь жители больше ничего не принимают всерьез – кроме грубых удовольствий и того, чего требует повседневность³.

В Эвмесвилле, который находится вне исторического процесса, необходимость в активном сопротивлении тоталитарному обществу отпадает, и на смену Повстанцу приходит последний из описанных Юнгером Гештальтов – отстраненный Анарх.

По утверждению главного героя романа, метаисторика Мартина Венатора, Анарх – это тот, кто «вытеснил общество из себя». «Он есть и остается сам себе господин – при любых обстоятельствах»⁴. При этом Анарх, в чем его принципиальное отличие от анархиста, не стремится к улучшению существующего общества: «Как анарх, я решил ни во что не вмешиваться, ничего в конечном счете не воспринимать всерьез»⁵. Анарх чувствует себя свободно и при авторитаризме, и при демократии. Он «суверенен, как монарх», и там, где «монарх хочет владеть многими, даже всем», Анарх владеет только собой⁶. Девиз Анарха лаконичен: это не мое дело.

«Критический критик» Единственный

Жизнь Макса Штирнера нельзя назвать такой же богатой на внешние события, как у Юнгера. Не пользующийся громкой славой, среди современников Штирнер был известен прежде всего как один из членов «Вольницы» – «самого крайнего левого» кружка, который собирался каждый вечер в берлинском пивном погребе виноторговца Гиппеля. В «Вольницу» входили совершенно непохожие как характерами, так и взглядами люди, объединенные лишь тем, что

...все они были более или менее недовольны политическими и общественными условиями жизни своего времени и более или менее сильно нападали на эти условия в печати [Маккей 2010, с. 46].

² Юнгер Э. Эвмесвиль... С. 61.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 196.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Там же. С. 51.

Среди постоянного состава значились знаменитые тогда, но забытые сейчас младогегельянцы, духовным лидером которых был отец «критической критики» – философ Бруно Бауэр. «Критические критики», следуя своему названию, подвергали тщательному анализу все, что, по их мнению, вставало на пути абсолютной эмансипации индивида. Государство, церковь, «масса», либерализм, социализм – все это отвергалось как препятствия для свободного развития «истинного человека». В этой атмосфере веселого и дружеского свободолюбия Штирнер осуществляет свои первые серьезные литературные пробы, результатом которых становится «Единственный и его собственность».

«Единственный и его собственность» – это книга, в которой Макс Штирнер применительно к разным философским и религиозным понятиям повторяет одну и ту же идею: «Для Меня нет ничего выше меня». Государство же, народ, религия или законы, т. н. святые понятия, призывают индивида отказаться от своих притязаний на самобытность и единичность во имя истины, добра, прав, свободы и т. д. Но, говорит Штирнер, в основе своей святые понятия подобны эгоистам, думающим о себе:

Бог заботится только о своем, занят только собой, думает только о себе и только себя имеет в виду; горе всему, что не находит благоволения в его глазах. Он не служит высшему и сам себя удовлетворяет⁷.

В таком случае почему Единственный должен поступать иначе?

Отталкиваясь от этой мысли, Штирнер, используя понятийный аппарат и методологию «критических критиков», подробно анализирует и опровергает всех идолов современности, не останавливаясь и на центральном для единомышленников из «Вольницы» понятии – свободе:

«Свобода живет только в царстве грез!» Напротив, своеобразие – это все мое существо и все мое бытие, – это я сам. Свободен я от того, от чего избавился, собственник же я того, что в моей власти, над чем я властвую⁸.

В своем отрицании абсолютных понятий Штирнер доходит и до отрицания «истинного человека»:

Я не могу сделаться человеческим «я», ибо я есмь Я, а не только человек⁹
и

Все это – идеи, ты же имеешь плоть, неужели ты думаешь, что когда-либо сумеешь стать «человеком как таковым?»¹⁰

⁷ Штирнер М. Единственный и его собственность. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 29.

⁸ Там же. С. 200.

⁹ Там же. С. 183.

¹⁰ Там же. С. 165.

Закономерным итогом рассуждений Штирнера становится идея о том, что всякое высшее существо – враг Единственного. Хорошо же себя Единственный, «преходящий, смертный творец», ощущает лишь в постоянном разрушении себя и мира, вечно возвращаясь к своему «творческому ничто, из которого он вышел»¹¹. «Ничто – вот на чем я построил свое дело»¹².

Таким образом, Единственный Штирнера – это радикальный эгоист, цель которого – сделать весь мир своей собственностью. Достичь этого можно только через последовательное разрушение призраков, под которыми Единственный понимает все, что другими людьми считается заслуживающим почитания (например, государство, религия, человечество и т. д.). «Долой же все, что не составляет вполне моего»¹³ и «Но Я – не есть все, Я разрушает все, и только саморазрушающееся, никогда не имеющее бытия, конечное я есть действительное Я»¹⁴. Наконец, «Для Меня нет ничего выше меня»¹⁵.

Сравнительный анализ Анарха и Единственного

Для Единственного любое государство, даже самое демократическое, – выразитель самого принципа власти всеобщего над частным, деспотия: «Оно, государство, сделалось поэтому истинной личностью, перед которой исчезает всякая обособленная личность: не я живу, оно живет во мне»¹⁶. По этой причине Единственный может находиться с государством только в состоянии перманентной войны: «Было бы безумием утверждать, что не существует власти надо мной. Только положение, в которое я стану по отношению к ней, будет совершенно другое, чем в религиозную эпоху: я буду врагом всякой верховной власти»¹⁷. При этом Единственный, как эгоист, будет, если того потребуют обстоятельства, врать и обманывать государство: «обман, лицемерие и ложь, в сущности, лучше, чем они кажутся. Кто не обманул бы полицию, закон, кто не поспешил бы прикинуться невиннейшим обывателем при встрече с сыщиком, чтобы скрыть содеянное беззаконие?»¹⁸ Единственный может воспользоваться любыми подходящими

¹¹ Там же. С. 450.

¹² Там же. С. 27.

¹³ Штирнер М. Единственный... С. 29.

¹⁴ Там же. С. 228.

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 134.

¹⁷ Там же. С. 231.

¹⁸ Там же. С. 209.

средствами, в том числе преступлением, для достижения своего освобождения: «Так как государство – “господство закона”, иерархия его, то эгоист во всех тех случаях, где его польза идет вразрез с пользой государства, может удовлетворить свои желания только путем преступления»¹⁹.

Позиция Анарха по отношению к государству более неоднозначна: «Хотя я Анарх, это не значит, что моя позиция антиавторитарна. Напротив, я нуждаюсь в авторитете, даже верю в него»²⁰. В отличие от Единственного, Анарх не противник государству, поскольку не видит в нем экзистенциальной угрозы своей свободе. Для него это вопрос чистоплотности: «чем дальше позади себя ты оставил закон и обычай, государство и общество, тем больше печешься о собственной чистоте». А духовная чистота для Анарха – это «такая же потребность, как потребность в чистом воздухе»²¹. Анарх признает государство как одну из множества внешних вещей, представляющих предмет исследования и осмысления, а не реального беспокойства. Иногда Анарх по собственным причинам может служить государству, с тем лишь существенным замечанием, что служит Анарх как наемник и кондотьер, а не призывник. Тем самым Анарх оставляет за собой право в любой момент, по-своему усмотрению, прекратить службу: «Плати золотом – и я буду тебе помогать, пока не захочу от тебя уйти»²².

От государства перейдем к обществу. Общество для Единственного – это неосязаемый, неживой призрак («Все вы вместе – тела, а не единое тело»²³), который в неосознанных эгоистах рождает желание служить и приносить жертвы. Идеи общественного блага, социальной справедливости, нравственности, как и в случае с государством, имеют только одно стремление – отнять у единичной личности право повелевать и право иметь. Поэтому и права, даруемые обществом индивиду, Единственным отрицаются. Для него существует только одно право – мощь и способность ее использовать: «право обращается в ничто... когда поймут, что сила предшествует праву» и «То, чем я владею без санкции духа, тем я владею без права, оно добыто мною исключительно при помощи моей силы», если я силен, то я уже «обрел право»²⁴. Тем не менее Единственный не может не признавать существование других людей и соответственно других Единственных, то есть потенциальных противников, которые также будут отстаивать свою мощью собственную идентичность. Выход из положения, а также

¹⁹ Там же. С. 296.

²⁰ Юнгер Э. Эвмесвиль... С. 84.

²¹ Там же. С. 406.

²² Там же. С. 271.

²³ Штирнер М. Единственный... С. 153.

²⁴ Там же. С. 260.

альтернатива существующим общественным формациям – создание сугубо добровольного союза эгоистов, члены которого охраняют «только свое, а не общее право» и связаны не абсолютной идеей, а только собственной выгодой. Покинуть такой союз Единственный может в любой момент: «Единичный свободно соединяется с другим и так же свободно отделяется»²⁵.

В отличие от Единственного Анарх признает себя человеком. Он ощущает себя так же, как любой другой человек, отличаясь лишь большей осознанностью. Анарх «объективен, даже скептичен», однако не безучастен, не лишен «исторической страсти» и служит своему времени. Вместе с тем Анарх оставляет за собой право свободно выбирать служение, «не выпуская из виду предмет своих размышлений, свободу»²⁶, оставаясь «довольным собой и окружающим миром»²⁷. Общество, государство, семья – это явления, ограничивающие стихийную, первоначальную анархичность. Бороться с этим Анарху не представляется возможным: «Стихийную силу урезают и отнимают, такого не избежать никому»²⁸. Причина же, по которой Анарх всегда остается свободным, это вышеупомянутое осознание своей свободы, первоначальной анархичности. Общество может попытаться «втянуть его в свою игру», но осознание собственного суверенитета позволяет Анарху в любой момент изменить расклад: «Тогда само общество окажется в его распоряжении – например, как сцена для великолепных, придуманных для этого общества спектаклей»²⁹. И все перевернется: «плен станет пленительным, опасность же превратится в приключение, в увлекательную задачу»³⁰. Участие в жизни общества позволяет Анарху находить глубоко зарытые сокровища, например произведения искусства, созерцание которых приносит Анарху чувство незримой гармонии и даже радости. Развеиванием призраков Анарх не занимается, признавая возможность сосуществования со святым и даже молитвы ему: «Анархо-нигилист думает в точности наоборот. Приведу лишь один пример: храм Артемиды ему бы захотелось поджечь. А вот Анарху ничто бы не помешало войти в этот храм, чтобы предаться там медитации и принести жертву богу. Это возможно в любом храме, который заслуживает такого названия»³¹.

Для Единственного в основе любой морали, старой или новой, лежат религиозный принцип и поведение, согласные текущему понятию

²⁵ Штирнер М. Единственный... С. 292.

²⁶ Юнгер Э. Эвмесвиль... С. 206.

²⁷ Там же. С. 130.

²⁸ Там же. С. 49.

²⁹ Там же. С. 173.

³⁰ Там же. С. 174.

³¹ Там же. С. 304.

о высшем существе. Если в христианскую эпоху высшее существо – Бог, то в светскую эпоху – человек. Однако замена Бога человеком, совершаемая современностью, не устранила само высшее существо, которое, как и прежде, требует к себе религиозного поклонения и ответственного морального поведения. Свобода, которую предлагает высшее существо взамен на религиозное почитание к себе, это всегда только моральная или позитивная свобода, т. е. не свобода личности самой по себе, а свобода во имя какого-то высшего принципа: гуманности, человечества, Бога, любви и т. д. В таком случае по-настоящему свободным остается только высшее существо, следуя воле которого отдельная личность подавляет собственную волю. Для Единственного это неприемлемо, так как приводит к уничтожению его своеобразия: «Моральное воздействие начинается с унижения, да оно даже не что иное, как это унижение, ломка и понуждение мужественности к смирению»³². Поэтому Единственный – противник также и любой морали. Единственный категорически не принимает самого принципа святости и тем самым находит себя в бунте, в преступлениях и святотатстве: «Эгоист всегда утверждал себя в преступлении и высмеивал святое. Разрыв со святым может стать всеобщим или, вернее – святое может погибнуть. Революция не повторится, но взамен нее придет великое, мощное, бесстрашное, бесстыдное, гордое преступление. Слышишь отдаленные раскаты грома, видишь, как небо зловеще молчит и хмурится?»³³

К морали как к обычаям и предписаниям Анарх также относится с пренебрежением. «Анарх признает право, но не закон»³⁴ и, соглашаясь с Беджамином Такером, может утверждать: «Забиться о собственных делах, вот единственный моральный закон»³⁵. В остальных случаях Анарх следует максиме «это не мое дело», отказываясь от моральных оценок. Тем самым, по собственному признанию, оказываясь ближе к преступнику, чем к судье: «ибо матерый преступник, которого приговорили к высшей мере, не готов признать смерть искуплением вины, а видит свою вину в собственной нерасторопности»³⁶. В этом отношении Анарх проявляет себя «не как моральная, а как трагическая личность»³⁷. Вместе с тем Анарх не готов полностью отказываться от моральных принципов как таковых и признает, что «мораль, инстинкт и чистая кинетика – вот что определяет наши поступки»³⁸.

³² Штирнер М. Единственный... С. 113.

³³ Там же. С. 300.

³⁴ Юнгер Э. Эвмесвиль... С. 278.

³⁵ Там же. С. 445.

³⁶ Там же. С. 335.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 53.

Скорее Анарх полагается на собственный онтологический нравственный характер – этос, с точки зрения которого Анарх может уже непредвзято оценивать право и нравы времени. При этом этос Анарха и общественная мораль, номос, могут как мирно сосуществовать, так и вступать в конфликты.

Перед тем как подвести итоги сравнительной характеристики Анарха и Единственного, необходимо установить их телеологический характер через определение основной цели в жизни каждого из Типов. Единственный – это «творческое ничто», «преходящий смертный творец». Единственный вечно ускользает от определения, потому что в ту же минуту, когда мы даем ему наименование, например, он «личность» или он «Иван», Единственный вынужден отбросить эти понятия как ему не принадлежащие и ограничивающие. То есть, как призраки. Цель жизни Единственного – это полное наслаждение миром и собой, которые возможны только через постоянное разрушение и покорение всего, что не является его собственностью:

К чему стремлюсь я в своем общении с миром? Я хочу наслаждаться миром, и поэтому он должен стать моей собственностью, с этой целью я хочу его покорить. Я не хочу свободы, не хочу равенства людей: я хочу только иметь власть, мою власть над миром, хочу сделать его своей собственностью, т. е. пользоваться и наслаждаться им³⁹.

Как отмечал в «Бунтующем человеке» Альбер Камю, подлинная жизнь Единственного – это «одиначество, в котором он беспрепятственно утолит жажду бытия, являющуюся его единственным бытием» [Камю 2019, с. 83]. Свое логическое завершение и суверенное счастье Единственный находит не только в метафизическом, но и в самом конкретном убийстве мира, человечества, другого Единственного:

Когда же они все скроются в могиле, тогда похоронено будет человечество, и я наконец обрету себя, и я буду принадлежать себе, буду смеюшимся наследником!⁴⁰

«Таким образом, на руинах мира горький смех короля-индивида возвестит окончательную победу бунтарского духа» [Камю 2019, с. 85].

В отличие от Единственного Анарх не разрушитель, а консерватор. Однако консерватизм Анарха проявляется в приверженности не определенному государственному строю или культурным ценностям, но самой первооснове человека: изначальным идеалам и абсолютной свободе. Анарх не будет пытаться разрушить или присвоить себе

³⁹ Штирнер М. Единственный... С. 393.

⁴⁰ Там же. С. 270.

мир, поскольку уже владеет главным – собственным Я, «неуязвимым ядром, сущностью, которая питает все временные и индивидуальные явления» [Юнгер 2022, с. 102], а мир, «полный принуждения и средств принуждения», служит лишь для того, чтобы его свободу подчеркнуть. Это, а также, в отличие от смертного творца Единственного, признание собственного духовного бессмертия приводит его к ощущению гармонии и полноты бытия. Вместе с этим позиция Анарха не является состоянием самоудовлетворенной и покоящейся на себе Нирваны, поскольку он носит в своем сердце «величайшую святыню» – Лес. Это обязывает Анарха пребывать в постоянном духовном саморазвитии, чтобы однажды, отрешившись от всех акциденций, зайти в «сокровищницу бытия» и встретиться с Абсолютом:

...я всегда нахожусь в готовности для Великой встречи – для вторжения Абсолюта во временную длительность⁴¹.

Это подтверждает финал «Эвмесвилля», главный герой которого, путем долгих и изнурительных медитаций, осуществляет свою подлинную мечту о духовном вневременном бытии:

В последние дни, чтобы подготовиться к походу в лес, я интенсивно работал перед зеркалом. И мне удалось добиться того, о чем я всегда мечтал: совершенного отделения от своей физической экзистенции. Я увидел себя-в-зеркале как трансцендентного жениха – а себя самого, вступившего в конфронтацию с ним, – как его преходящее отражение⁴².

Заключение

Подводя итоги, мы можем сказать, что, несмотря на близкое родство, различия между Анархом Э. Юнгера и Единственным М. Штирнера носят фундаментальный характер. Единственный – это выразитель крайней формы свободолубия, которое, переходя определенную черту, из силы созидательной становится силой разрушительной. Путь Единственного, то есть путь абсолютного эгоизма и нигилизма, подразумевает в конечном итоге возвращение в естественное состояние войны всех против всех. О новой войне как необходимом условии окончательного освобождения Единственного пишет и Штирнер: «Нет, веление эгоизма иное: захвати и возьми все, что тебе нужно, говорит он. Этим объявлена война всех против всех. Я один определяю

⁴¹ Юнгер Э. Эвмесвиль... С. 93.

⁴² Там же. С. 510.

и решаю, что мне нужно»⁴³. С идеями Штирнера соглашался и его последователь Дж.Г. Маккей:

Войны, в потоках крови которых обладатели власти будут стараться погасить пламя восстания своих народов, станут неизбежными; такие войны, которых мир еще не видел... Слишком велик был содеянный грех и страшно будет его искупление [Маккей 1906, с. 292–293].

Анарх, как метаисторический свидетель последствий лишенных святых принципов войн, о которых мечтает Единственный, приходит к иным выводам: «там, где войны уже неподвластны Аресу, распространяются живодерни, а меч превращается в нож для убоя скота»⁴⁴. Личность обретает суверенитет не через самодовлеющий эгоизм, с необходимо вытекающими из него историческими потрясениями, но через обращение к абсолютным внутренним резервам, доступным каждому. Несмотря на то что Анарх – не реформатор и считает жизнь «слишком короткой и слишком прекрасной, чтобы жертвовать ею ради какой бы то ни было идеи», с ним «легко найти общий язык и в хижине, и во дворце»⁴⁵. Таким образом, Анарх сохраняет за собой право на духовную и экзистенциальную автономию с целью однажды достичь искомого Абсолютного Бытия, не отказывая в таком же праве и другим.

Литература

- Бунуа 2017 – Бунуа А. Традиция и консервативная мысль. М.: Тотенбург, 2017. 186 с.
- Гладилин 2011 – *Гладилин Н.В.* Этнос постистории в «Эвмесвиле» Эрнста Юнгера // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 112–119.
- Казаков 2008 – *Казаков С.О.* Современная историография творчества Эрнста Юнгера // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 16. № 59. С. 127–136.
- Камю – *Камю А.* Бунтующий человек; Недоразумение: [сборник; Пер. с фр.]. М.: АСТ, 2019. 448 с.
- Кизель 2019 – *Кизель Г.* Эрнст Юнгер: вехи творчества. М.: Тотенбург, 2019. 170 с.
- Маккей 1906 – *Маккей Дж. Г.* Картины из жизни конца XIX столетия. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1906. 294 с.

⁴³ Штирнер М. Единственный... С. 320.

⁴⁴ Юнгер Э. Эвмесвиль... С. 108.

⁴⁵ Там же. С. 376.

- Маккей 2010 – *Маккей Дж.Г.* Макс Штирнер: Его жизнь и творчество. Пер. с нем. / Вступ. ст. Д.И. Рублева. 2-е изд., доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.
- Михайловский 2010 – *Михайловский А.В.* Миф, история, техника: размышления Эрнста Юнгера у «Стены времени» // История философии. 2010. № 15. С. 57–82.
- Михайловский 2016 – *Михайловский А.В.* Ранняя мысль М. Хайдеггера о технике: между критикой культуры и героическим реализмом // Известия Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. № 4. С. 387–393.
- Штирнер 2017 – *Штирнер М.* Единственный и его собственность. М.: РИПОЛ классик, 2017. 464 с.
- Юнгер 2022 – *Юнгер Э.* Уход в Лес. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 144 с.
- Goodway 2006 – *Goodway D.* Anarchist Seeds Beneath the Snow. Liverpool University Press, 2006. 401 p.
- Merlio 1996 – *Merlio G.* Les images du guerrier chez Ernst Jünger // Beltran-Vidal Danièle (ed.). Images d'Ernst Jünger. Bern, 1996. P. 35–55.

И.Р. Крайлюк

Реализация крупных инфраструктурных проектов в области железнодорожного транспорта на основе государственно-частного партнерства в Российской Федерации

Современные геополитические и в том числе экономические условия развития Российского государства требуют проведения модернизации и внедрения новых форм работы с отраслями, которые всегда считались «подгосударственными», куда относится и железнодорожная сфера.

Одной из таких новых форм работы является процесс перехода во временное, средне- и долгосрочное пользование объектами представителями бизнеса, при сохранении права контроля и регуляции в руках государства. Такие отрасли не могут подпадать под приватизационное действие, поскольку имеют важное стратегическое, экономическое и социально-политическое значение, вместе с тем государственный бюджет не всегда располагает средствами, которые позволят воспроизводить и в дальнейшем поддерживать функционирование объектов такого уровня. Для разрешения подобных проблем создается модель взаимодействия, позволяющая изменить ситуацию и создать альтернативу приватизации – государственно-частное партнерство. В статье рассмотрены основные инфраструктурные железнодорожные проекты, реализуемые на основе принципов государственно-частного партнерства, а также выявлены причины, повлиявшие на увеличение сроков реализации данных проектов, основные преимущества и недостатки ГЧП.

Ключевые слова: государство, государственно-частное партнерство, железнодорожный транспорт, Российская Федерация

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) – определенная модель взаимодействия, заключающая в себе временный альянс государства и бизнеса, имеющего организованную и институциональную форму, целью которого является реализация общественно важных проектов, в том числе и в сфере железнодорожных перевозок. Механизм государственно-частного партнерства, в первую очередь, затрагивает интересы государственной важности¹. Так, одной из при-

© Крайлюк И.Р., 2025

¹ Добрынин Л.А., Марковская Е.И., Мелведь А.А. и др. Взаимодействие государства и бизнеса: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. С. 40.

оритетных функций государства в рыночной экономике является производство общественных благ, в которое включается не только создание развитой железнодорожной сети, охватывающее все регионы страны, но и обеспечение широкого доступа к магистральной транспортной инфраструктуре в целях развития туризма.

Стоит отметить, что подобная форма взаимодействия ослабляет уровень воздействия государства на экономику, так как делегирует ряд полномочий в руки частного сектора экономики, позволяя иметь возможность саморегуляции. Бизнес получает возможность управлять активами государства с целью создания или улучшения уже имеющихся проектов государства – агента общественных благ – которое, даже если и производит определенную часть, все же привлекает способности предпринимателя – инвестора.

Вместе с тем формат государственно-частного партнерства при реализации крупных железнодорожных проектов в России используется не только по причине необходимости стимулирования «подгосударственных» отраслей экономики, но и по ряду других объективных факторов.

Так, одним из факторов, объясняющих необходимость развития ГЧП, является возможность привлечения передовых технологий. Частные компании могут использовать инновационные технологии и решения, что может быть не всегда доступно для государственных структур [Варнавский 2009, с. 2]. В свою очередь, использование инноваций будет позитивно отражаться на качестве и эффективности проектов.

Рассмотрим основные транспортные проекты в сфере государственно-частного партнерства. Одними из важных государственно-стратегических проектов являются «Северный широтный ход», а также «Северный широтный ход – 2». Эти отобранные проекты нацелены на развитие транспортной инфраструктуры в Арктических регионах – в приоритетных для России направлениях государственного развития.

Северный широтный ход (СШХ) призван связать Ямало-Ненецкий автономный округ с Северо-Западной и Уральской частью России. Строительство СШХ, по заявлениям властей, было перенесено на 2027–2031 гг.² Главная проблема заключается в неопределенности источников финансирования данного проекта. В 2023 г. был заключен договор между властями ЯНАО и руководством Свердловской железной дороги (СвЖД) о сотрудничестве в сфере железнодорожной отрасли. В данном соглашении был рассмотрен вопрос о реализации

² Скорлыгина Н. Северный широтный ход никак не выходит // Коммерсантъ. 2023. 19 июня Ст. 107/II URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6053991> (дата обращения: 14.02.2024).

проекта СШХ. В настоящий момент Северный широтный ход также будет проектироваться на основе государственно-частного партнерства. Стоит отметить, что в 2019 г. правительство Ямало-Ненецкого автономного округа расторгло договор с «ВИС ТрансСтрой» на строительство железной дороги «Северный широтный ход-2» (Бованенково – Сабетта). Железнодорожный путь позволит обеспечить прямое сообщение между Северным широтным ходом и Северным морским путем, что позволит увеличить транспортный потенциал Арктического региона [Голубева 2022, с. 74]. Изначально договор также предполагал строительство железной дороги на основе принципов государственно-частного партнерства, однако изменение позиции региональных властей о необходимости реализовывать проект в форме федеральной концессии стало одной из причин разрыва договора [Смирнов 2021, с. 55].

В рамках Совещания по вопросам развития Арктической зоны развитие Северного морского пути было отмечено Президентом России В.В. Путиным как самая приоритетная задача, на решение которой в настоящее время направлен целый ряд инфраструктурных проектов по созданию современной портовой инфраструктуры³. К ним можно отнести проекты модернизации морских портов Мурманска и Архангельска.

Транспортный узел Мурманска, несомненно, является одним из основных направлений развития Севморпути. Реализация данного проекта связана с железнодорожной отраслью напрямую. Так, проектом предусмотрено строительство 10 железнодорожных станций и парков. Этому уделено особое внимание, так как железнодорожные пути на территории порта будут обеспечивать бесперебойную доставку грузов к перегрузочным комплексам. В декабре 2023 г. ввели в эксплуатацию новую железнодорожную линию от станции Выходной до станции Лавна на западном берегу Кольского залива⁴. Проекты модернизации Мурманского транспортного узла аналогично реализуются на основе ГЧП. Губернатор Мурманской области А.В. Чибис говорил: «Инвестиционный инструментарий, который сегодня существует в стране, позволяет даже в текущих экономических условиях реализовывать масштабные проекты»⁵.

³ Совещание по вопросам развития Арктической зоны // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68188> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴ Михайлов А.В. В Заполярье запустили Мурманский транспортный узел // Российская газета. 2023. 24 дек. Ст. № 292 (9237) URL: <https://rg.ru/2023/12/24/reg-szfo/lavna-zarabotal.html> (дата обращения: 17.02.2024).

⁵ Мурманская область представила на российской неделе ГЧП 5 перспективных инвестпроектов // ГТПК «Мурман». URL: <https://murman.tv/news-n-4664--murmanskaya-oblast-predstavila-na-rossijskoj-nedele-gchp-5-perspektivnyh-investproektov> (дата обращения: 07.02.2024).

Также к приоритетным инфраструктурным проектам, реализующимся по принципам ГЧП, можно отнести строительство новых терминалов и портов: Сабетта, «Утренний» и Индига. Стоит отметить, что строительство незамерзающего морского порта Индига подразумевает под собой и организацию прямого железнодорожного сообщения, что благоприятно скажется на организации грузоперевозок между Ненецким автономным округом, Республикой Коми и Ханты-Мансийским автономным округом. К 2028 г. планируется закончить строительство железной дороги Сосногорск – Индига протяженностью 560 км. Заявленная стоимость строительства ж/д пути – 340 млрд руб. Кроме того, новый железнодорожный маршрут может быть рассмотрен в качестве альтернативы для экспорта российской продукции, осуществляемого в настоящее время через порты Украины и Прибалтики. Данный аспект приобретает особую актуальность в условиях специальной военной операции России на Украине и экономических санкций.

Среди стратегически значимых инфраструктурных проектов отмечаются такие, реализация которых по различным причинам откладывалась в течение нескольких десятилетий. Строительство железной дороги «Элегест – Кызыл – Курагино», которая соединяет республику Тыва и Транссибирскую магистраль, является одним из таких проектов. Практическая значимость этого пути объясняется тем, что существует необходимость вывоза угля с Элегестского месторождения с его последующей транспортировкой на промышленные производства России и стран СНГ. Строительство данной дороги неоднократно прерывалось. Первоначально в связи с кризисом, второй раз в 2012 г. оно было остановлено по причине невыполнения обязательств частным инвестором [Журавлева, Кльештик 2020, с. 140]. Весной 2022 г. и. о. вице-преьера Тувы А.В. Брокерт сообщал: «...власти края, Хакасии и Тувы готовят обращение к федеральным властям о возобновлении строительства дороги»⁶.

Другим важнейшим магистральным проектом является высокоскоростной железнодорожный транспортный коридор «Евразия», призванный обеспечить быстрое перемещение грузов и пассажиров по территории всего Евразийского континента. Проект позволит объединить пространство России и Китая единой транспортной системой, что, несомненно, станет дополнительным драйвером роста торгово-экономических отношений между странами. Пилотным проектом на территории России является строительство скоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань.

⁶ Проект строительства железной дороги Кызыл – Курагино переориентируют на Китай и Монголию // ТАСС. 2022. 14.06.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14909119> (дата обращения: 17.02.2024).

Важно отметить, что сопряжение Евразийского пространства единой транспортной системой предусматривается также и в сфере развития автомобильной инфраструктуры. Строительство автомобильной высокоскоростной магистрали Европа – Западный Китай, в частности автомагистралей «М-11» между Санкт-Петербургом и Москвой, а также «М-12» между Москвой и Казанью с продолжением до Екатеринбурга, позволит не только существенно сэкономить время гражданам, которые передвигаются на автомобиле, но и откроет новые возможности для развития мультимодальных перевозок, которые сочетают в себе использование различных видов транспорта. К тому же создание альтернативных вариантов маршрутов позволит развивать конкуренцию в транспортной отрасли, что приведет к снижению транспортных издержек. Проекты ВСМ «Евразия» и «Европа – Западный Китай» демонстрируют тенденцию так называемого поворота на Восток, смещения центров геополитических интересов России в Азиатский регион.

Кроме этого, стоит сказать о проекте высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Санкт-Петербург. 14 марта 2024 г. был дан старт строительству магистрали, по проекту которой время в пути от Москвы до Санкт-Петербурга составит 2 часа 15 минут. Проект планируется завершить к 2028 г. «Влияние, которое на всю экономику, в том числе на машиностроение, тяжелую промышленность, этот проект окажет, сложно переоценить. И, безусловно, это дополнительный импульс для развития строительных подразделений», – заявил заместитель главы ОАО «РЖД» А. Макаров⁷.

Использование государственно-частного партнерства при реализации крупных инфраструктурных проектов в сфере железнодорожного транспорта в России становится все более распространенной практикой. Это объясняется тем, что ГЧП содержит ряд преимуществ – благодаря данной форме взаимодействия государства и частных инвесторов при реализации крупных проектов применяются инновационные технологии, что повышает качество и эффективность кадров. К тому же формат ГЧП позволяет снизить нагрузку на государственный бюджет, что также немаловажно и приобретает особый аспект в условиях дефицита бюджета России в последнее время. Стоит отметить, что заинтересованность частных инвесторов в получении прибыли позволяет стимулировать более эффективное управление проектами.

⁷ Белов П. ВСМ может выступить локомотивом ГЧП в области транспортных проектов // Информационное агентство «РЖД-Партнер.РУ». 2024. 10.06.2024. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/comments/vsm-mozhet-vystupit-lokomotivom-gchp-v-oblasti-transportnykh-proektov/> (дата обращения: 17.02.2024).

Таким образом, анализируя проекты, осуществляемые в Российской Федерации на основе государственно-частного партнерства, можно выделить следующие:

- Северный широтный ход и Северный широтный ход – 2 соединят Ямало-Ненецкий автономный округ с Уральской частью России, а также обеспечат прямое сообщение между Северным широтным ходом и Северным морским путем соответственно;
- Проекты по модернизации морских портов Мурманск и Архангельск позволят увеличить транспортный потенциал Арктического региона;
- Строительство новых терминалов и портов: Сабетта, «Утренний» и Индига;
- Высокоскоростная железнодорожная магистраль Москва – Санкт-Петербург. Проект, прежде всего, ориентирован на повышение качества предоставляемых услуг, к которым относится возможность транспортировки пассажиров за наименьшее время между двумя городами.

В сфере государственно-частного партнерства также существуют определенные недостатки.

Во-первых, существенным минусом является неразвитость конкурентной среды железнодорожного бизнеса в Российской Федерации. Действительно, частные компании, оказывающие услуги в сфере железнодорожного транспорта, есть, однако их количество находится на предельно низком уровне. Примером частных компаний может служить «Гранд Сервис Экспресс», «Тверской экспресс и пр. [Мамедгулиев 2023, с. 145–147]. Частные операторы сталкиваются с трудностями при получении доступа к осуществлению проектов в железнодорожной отрасли, что ограничивает их возможности для расширения бизнеса. Кроме того, отсутствие прозрачности в распределении государственных заказов и концессий создает дополнительные барьеры для новых участников рынка [Журавлева, Кльештик 2020, с. 132–135].

Во-вторых, стоит отметить, что нормативно-правовое законодательство в сфере ГЧП только формируется, что приводит к неоднозначности в толковании правовых норм и создает дополнительные сложности для частных инвесторов. На сегодняшний день в России отсутствует единый федеральный закон, регулирующий все аспекты государственно-частного партнерства. Основные правовые рамки для ГЧП установлены Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸, однако он охватывает далеко не все возможные формы взаи-

модействия между государством и бизнесом, хотя и раскрывает основные принципы, понятия, стороны и объекты ГЧП [Мамедгулиев 2023, с. 147–151].

В-третьих, немаловажной проблемой в современных реалиях становятся риски, связанные с изменением экономической и геополитической ситуации, непосредственно влияющие на конъюнктуру формата ГЧП. В условиях экономических санкций, введенных против России, многие проекты, связанные с привлечением иностранных инвестиций, были заморожены или отложены. Это особо значимо для проектов, связанных, например, с развитием Северного морского пути, где участие иностранных компаний было ключевым фактором [Смирнов 2021, с. 54–56].

В-четвертых, отметим, что государственно-частное партнерство предполагает сложный процесс согласования интересов между государством, региональными властями, частными инвесторами и местным населением. Государство, как правило, ориентируется на долгосрочные социально-экономические эффекты, прежде всего обращая внимание на развитие регионов, улучшение транспортной доступности и повышение качества жизни населения. В то же время частные инвесторы оценивают проекты с точки зрения их коммерческой привлекательности, сроков окупаемости и уровня рисков [Соколов 2020, с. 56]. Несогласованность сторон приводит к невозможности осуществлять реализацию проектов в том формате, который был указан изначально при планировании. В случае с проектом «Северный широтный ход – 2» региональные власти настаивали на реализации проекта в форме федеральной концессии, что позволило бы снизить финансовую нагрузку на бюджет Ямало-Ненецкого автономного округа, однако частный инвестор, т. е. компания «ВИС ТрансСтрой», был заинтересован в более гибких условиях, которые обеспечили бы ей большую прибыль и контроль над проектом [Килинкаров 2018, с. 62–68]. Федеральный центр, в свою очередь, не смог предложить компромиссное решение, что привело к разрыву договора и приостановке проекта. В результате проект СШХ – 2 был заморожен, а поиск новых форм взаимодействия продолжается до сих пор.

Вместе с тем формат государственно-частного партнерства выступает в качестве критически важного инструмента модернизации и развития инфраструктуры железнодорожного транспорта в Российской Федерации, что способствует не только интенсивному росту макроэкономических показателей, но и существенному повышению

⁸ Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4350.

качества жизни населения. Анализ ключевых инфраструктурных проектов, указанных в статье, демонстрирует потенциал ГЧП в преодолении бюджетных ограничений и привлечении частных инвестиций для реализации стратегически значимых инициатив.

Для максимизации преимуществ ГЧП и минимизации рисков необходимо совершенствование институциональной среды, включая разработку четких и стабильных правовых рамок, развитие институтов и норм права, связанных с отраслью, повышение прозрачности процедур отбора проектов и обеспечение эффективного механизма распределения рисков. Так, одной из мер может быть закрепление на законодательном уровне преимуществ и льгот при заключении именно ГЧП. Например, исследователи предлагают внести в Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ статью «Повышенные льготы для участников ГЧП» [Тихонов 2022, с. 68–70]. Также требуется усиление координации между федеральными и региональными органами власти, в том числе разработка механизмов для стимулирования конкуренции и привлечения частных инвестиций в долгосрочные инфраструктурные проекты на всех уровнях.

В заключение хочется напомнить о недостаточной развитости институциональной базы государственно-частного партнерства. Безусловно, данный механизм обладает значительным потенциалом для развития железнодорожной инфраструктуры в России.

Однако, как было отмечено ранее, реализация проектов ГЧП требует комплексного подхода, учитывающего как экономические, так и институциональные аспекты, что, в свою очередь, является необходимым условием для снижения **транзакционных** издержек, устранения агентских конфликтов и достижения долгосрочного сотрудничества между государством и частным сектором.

Литература

- Варнавский 2009 – *Варнавский В.Г.* Место и роль государственно-частного партнерства в системе экономических категорий: попытка системного анализа // Государственно-частное партнерство в условиях кризиса: Материалы науч.-практич. конф. М.: ИЭ РАН, 2009. С. 30–31.
- Голубева 2022 – *Голубева Е.М.* Взаимодействие органов государственной власти и частных инвесторов в развитии транспортной инфраструктуры Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2022. № 4. С. 73–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-chastnyh-investorov-v-razvitii-transportnoy-infrastruktury-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 25.02.2025).

- Журавлева, Кльештик 2020 – *Журавлева Н.А., Кльештик Т.* Проблемы финансирования проектов развития транспортной инфраструктуры и основные инвестиционные тренды 2020 года // Транспортные системы и технологии. 2020. Т. 6. № 1. С. 129–147.
- Килинкаргов 2018 – *Килинкаргов В.В.* Актуальные проблемы и тенденции в практике разрешения споров в сфере публично-частного партнерства в России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 62–103.
- Мамедгулиев 2023 – *Мамедгулиев Р.И.* Особенности и нормативно-правовое законодательство по государственно-частному партнерству в сфере железнодорожного транспорта в Российской Федерации // Скиф. 2023. № 8. С. 143–151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-normativno-pravovoe-zakonodatelstvo-po-gosudarstvenno-chastnomu-partnyorstvu-v-sfere-zheleznodorozhnogo-transporta-v> (дата обращения: 24.02.2025).
- Смирнов 2021 – *Смирнов А.Ю.* Принципы транспортной политики государства по развитию Северного морского пути // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 5. С. 55–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-transportnoy-politiki-gosudarstva-po-razvitiyu-severnogo-morskogo-puti> (дата обращения: 16.02.2025).
- Соколов 2020 – *Соколов В.В.* Проблемы и перспективы формирования социальной политики государства в современной России // Власть. 2020. № 5. С. 55–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-formirovaniya-sotsialnoy-politiki-gosudarstva-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 11.02.2025).
- Тихонов 2022 – *Тихонов К.А.* Административно-правовое регулирование института государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Вестник СГЮА. 2022. № 4 (147). С. 64–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoe-regulirovanie-instituta-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.02.2025).

Abstracts

Veronika V. Byalkina

Anti-advertising in mass media as a source of popularization of the Soviet underground on the example of hippies in the USSR in 60–90s of the 20th century

The article covers the topic of moral panics and the influence of mass media on public opinion on the example of the hippie movement in the USSR. Important aspects in the history of the underground are revealed, as well as how the media can be used as advertising and a way of spreading ideas among the population. How ridicule and vilification of an image can play into the hands of an anti-social movement. These theses are illustrated by the example of the hippie movement, whose image was deliberately distorted by the Soviet media, which in many ways led to the opposite result of the romanticization of the movement.

Keywords: hippies, hippism, USSR, moral panic, youth subcultures, mass media

Aleksey S. Shcheglov

Organisation of underground (shop) industries in the USSR in 1985–1987

The birth of modern Russian entrepreneurship and its generic features are a hot topic in scientific and public discourse. The article examines the activities of underground industries in the USSR – one of the origins of private entrepreneurship in post-Soviet Russia. But what character could private production have in a planned economy with full state control over resources and means of production? And how did it in turn influence the national economy? In this study, the author will attempt to answer these questions. On the basis of memoir literature materials, as well as press reports, the paper explores the peculiarities of the activity of shop-floor industries in 1985–1987. The mechanisms of action of the illegal sector of the economy are studied. The author focuses on the ways of supplying resources to shadow factories and workshops, the organisation of the production process in them, and various mechanisms of selling finished products. The reasons for the profitability of underground enterprises and their sustainable existence in the USSR are also analysed. On the basis of the research, the author concludes that underground enterprises were engaged in low-tech production, were entirely dependent on raw materials from

state enterprises, which were obtained illegally, by theft or fraud. However, it is still impossible to call shop enterprises parasitic. Despite the extreme simplicity of the goods they produced and their low production costs, these products were in demand on the market and partially contributed to overcoming the commodity shortage – an acute problem of the Soviet economy. In these conditions citizens were ready to overpay for rare goods, which formed the superprofit of shopkeepers.

Keywords: shadow economy, shopkeepers, underground production, perestroika, USSR economy

Elizaveta D. Akulina

Amateur Polish theatre in Moscow
in the beginning of the 20th century

Due to the industrial development of Moscow and the growing migration of the Polish population deep into the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries, the Polish diaspora in the city increased significantly. In 1897, 9,000 Poles lived in Moscow, making them the third largest nation among Muscovites. Such a large, rapidly growing community needed new forms of organisation. Until the October Manifesto of 1905 and the subsequent temporary rules on societies and unions, the only possible form of public activity was charity. From the 1880s the centre of the Polish diaspora in Moscow was the Society for Assistance to the Poor of the Roman Catholic faith at the Cathedral of Sts. Peter and Paul the Apostles. For thirty years it carried out not only charitable but also cultural activities, an important part of which was the amateur Polish theatre. In the article, the author reveals what a Polish theatre evening was like in Moscow before 1905, traces the experience of preserving the tradition of amateur national theatre among Moscow Poles in the late nineteenth and early twentieth centuries, and determines its assessment by members of the diaspora.

Keywords: Poles, Polish diaspora, amateur theatre, playbill, cultural history

Evgeny I. Khandozhko

Conceptualisation of the idea of ‘awakening of the Cossacks’
on the pages of the journal ‘Volnoe kazachestvo’

This article analyses the conditions and starting points of the formation of historical discourse in the intellectual environment of the Free Cossack emigration of the first wave, based on the materials of the journal “Volnoe kazachestvo – Vilne Kozatstvo”. The Samostiyniki formulated the idea of “awakening of the Cossacks”, which implied the struggle for the Cossacks to

realise their own national past, the awakening of national self-consciousness and the desire to create a sovereign Cossack state “Kazakia” on the territories of the former Russian Empire. The idea of ‘awakening’ was based on the thesis that the Cossacks had not yet managed to realise themselves as an independent nation. The perception of the history of the Civil War led the authors to the conclusions about the betrayal of Cossacks by their leaders as the main reason for the defeat of the Cossack forces and the need to search for new authorities. The samostiyniki intellectuals defined themselves as the vanguard of the cause of the “awakening of the Cossacks”, opposing themselves to the “elders and nobility group” of the old atamans, who were accused of pro-Russian views. Periodicals were to become the main mouthpiece of the Cossack national idea. The samostiyniki Cossacks searched for evidence of the independent state past of the Cossacks in the works of pre-revolutionary historians. The views of domestic historians on the Cossacks as a constituent part of the Russian nation were criticised and revised. The concept of the Cossacks as a separate branch of Slavic people was developed, according to which, in the interpretation of the Samostiyniki, they were the bearers of republican values and were opposed to pre-Petrine Russia. The search for the forms of the new Cossack state dwelling and unique national features of the Cossacks determined the basis, tone and logic of historical research of Samostiyniki Cossack historians in the interwar period, who sought to find justification and examples of these constructions in the Cossack past.

Keywords: Free Cossacks, emigration, nationalism, Kazakia, Samostinyost, emigrant periodicals

Timofey V. Kartavykh

Influence of the experience of the Polish campaign
of the wehrmacht on the soviet military strategy
on the example of G.S. Isserson’s work ‘New Forms of Struggle’

The article discusses changes in Soviet military doctrine under the influence of the blitzkrieg in Poland in 1939. During the 1920s and 1930s, Soviet military science closely followed military conflicts in Europe. Although the invasion of Poland by Nazi Germany was not unexpected, the new strategic and tactical techniques used by the German military caught the attention of Soviet military theorists. In fact, provisions developed by the Red Army over 20 years were put to the test. Grigory Isserson’s analysis of the September campaign was particularly significant. The main focus of the article is on incorporating the ideas presented in the work “New Forms of Struggle” into Soviet military doctrine.

Keywords: The Red Army, the USSR, the Third reich, World War II, Tukhachevsky, Isserson, Triandafillov

Alina P. Nikolaeva

Perception of the Cuban revolution of 1933
in the representations of North Americans

The article is devoted to the analysis of images of the Cuban Revolution of 1933 in the representations of Americans. The work uses sources of various origins, among which there are periodicals, official documents, journalistic works, personal notes of contemporaries. The research is conducted within the framework of a sociocultural approach, focusing not only on how Americans' opinions about the Cuban Revolution of 1933 differed, but also on the mechanisms of constructing revolutionary images. As a result of the conducted research, two contrasting lines of thought circulating among American observers are revealed. Representatives of the US political elite fully shared the state's policy towards Cuba, while not interfering in any way in the process of relations between the two countries, which was expressed in ignoring the revolution. American journalists, on the other hand, having access to few sources of information about the revolution, where it was presented as a blatant act of violation of human freedoms, formed rather a radical opinion about the Cuban government and expressed sympathy for Cubans in newspaper articles. The articles, in turn, formed the opinion of a wider range of the population, including representatives of the middle class

Keywords: American-Cuban relations, Batista, the Cuban Revolution of 1933, Carlton Beals, American imperialism, national liberation movements

Aleksey A. Osipenko

The anarch and the unique: a comparison
of the philosophical types of E. Jünger and M. Stirner

The article is devoted to a comparison of Ernst Jünger's Gestalt Anarch and the "forerunner of postmodernism" Max Stirner's the Unique. Literary analysis of the works of E. Jünger and M. Stirner with emphasis on the main philosophical and moral-ethical ideas, the concepts of autonomy and freedom, as well as approaches to the perception of the state and society allows to establish the peculiarities of the worldviews of Anarch and the Unique, to identify their common and distinctive features. The author concludes that, despite the apparent similarity of the projects, E. Jünger and M. Stirner, in the person of Anarch and the Unique, come to two fundamentally different conclusions, of which Anarch appears to be a more "mature" answer to the question of the essence and duties of the individual in the "death of history" situation.

Keywords: anarchism, spirit, conservatism, personality, freedom, creativity

Ivan R. Krailyuk

Realisation of large infrastructure projects in the field
of railway transport on the basis of public-private partnership
in the Russian Federation

Modern geopolitical and, in particular, economic conditions of the development of the Russian state require modernization and the introduction of new forms of work with industries that have always been considered “sub-state”, which includes the railway sector. One of these new forms of work is the process of transition to temporary, medium- and long-term use of facilities by business representatives, while maintaining the right of control and regulation in the hands of the state. Such industries cannot fall under the privatization action, since they are of important strategic, economic and socio-political importance, at the same time, the state budget does not always have the funds that will allow reproducing and further maintaining the functioning of facilities of this level. To solve such problems, a model of interaction is being created that allows changing the situation and creating an alternative to privatization – public-private partnership. The article examines the main railway infrastructure projects implemented on the basis of the principles of public-private partnership, and also identifies the reasons that influenced the increase in the implementation time of these projects.

Keywords: government, public-private partnership, railway transport, Russian Federation

Сведения об авторах

Акулина Елизавета Дмитриевна, студентка исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; l.akulinaaa@mail.ru

Бялкина Вероника Владимировна, студентка исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; otakufall3722@gmail.com

Картавых Тимофей Витальевич, магистрант исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; tkartavykh1238@mail.ru

Крайлюк Иван Романович, студент исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; krailuk@mail.ru

Николаева Алина Прокопьевна, студентка факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет; alinanikolaeff@gmail.com

Осипенко Алексей Алексеевич, магистрант Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет; AlexiusOsipenko@yandex.ru

Хандожко Евгений Игоревич, магистрант исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; handozko1990@mail.ru

Щеглов Алексей Сергеевич, студент исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; alexei.shcheglov@gmail.com

Data about the authors

Akulina Elizaveta D., student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; l.akulinaaa@mail.ru

Byalkina Veronika V., student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; otakufall3722@gmail.com

Kartavykh Timofey V., master's degree student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; tkartavykh1238@mail.ru

Khandozhko Evgeny I., master's degree student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; handozko1990@mail.ru

Krailyuk Ivan R., student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; krailuk@mail.ru

Nikolaeva Alina P., student of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities; alinanikolaeff@gmail.com

Osipenko Aleksey A., master's student, Institute of Finance and Economics, Tyumen State University, Tyumen, Russia; AlexiusOsipenko@yandex.ru

Shcheglov Aleksey S., student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; alexei.shcheglov@gmail.com

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 4,5.
Заказ № 2182

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru